

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

ГЛАЗ БОГА

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Глаз Бога

«ЭКСМО»

2013

Роллинс Д.

Глаз Бога / Д. Роллинс — «Эксмо», 2013 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-69131-9

К Земле приближается комета, грозящая стереть все живое с лица нашей планеты. Под воздействием небесного тела с орбиты сходит исследовательский спутник, несущий на себе удивительный прибор, именуемый «Глазом Бога». Этот прибор предназначен для исследования малоизученной и загадочной «темной энергии», содержащейся в комете. Незадолго до падения спутника ученые получают странную видеозапись с «Глаза Бога», которая демонстрирует страшное скорое будущее: Земля, охваченная пожаром. Возможно ли избежать катастрофы?.. И тут группа «Сигма» выходит на след древних реликвий, предсказывающих этот катаклизм из глубины веков, а также указывающих на то, как противодействовать «темной энергии». Но на поиски этих артефактов почти не осталось времени, а захоронены они на огромной территории от Венгрии до Монголии. Час «икс» вот-вот наступит. Никогда еще Пейнтер Кроу и его группа не были так близки к поражению...

ISBN 978-5-699-69131-9

© Роллинс Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Замечания исторического характера	6
Замечания научного характера	7
Пролог	8
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джеймс Роллинс

Глаз Бога

James Rollins

THE EYE OF GOD

Copyright © 2013 by James Czajkowski

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2013

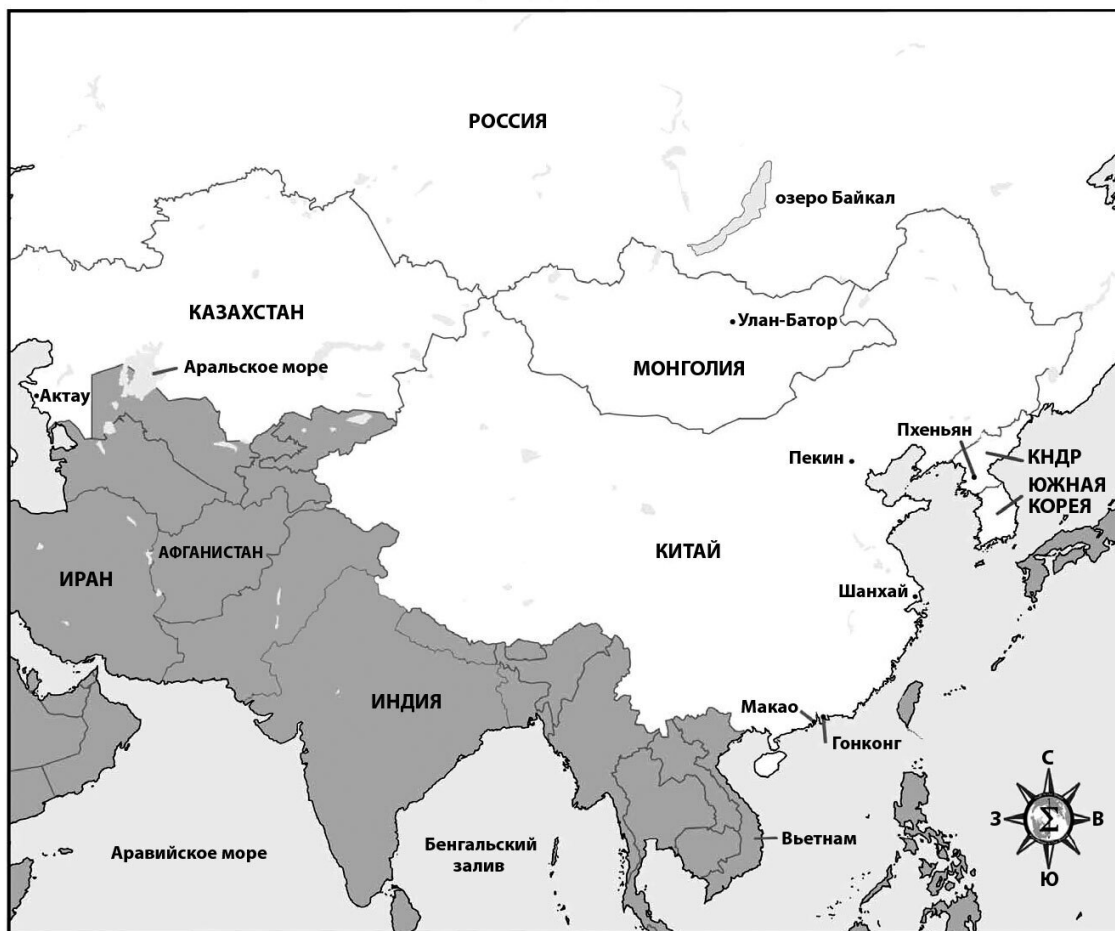
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается моему отцу, который дал нам крылья... и бескрайнее небо, чтобы летать высоко

*Различие между прошлым, настоящим и будущим – всего лишь иллюзия, и глупо настойчиво и упрямо утверждать обратное.
Альберт Эйнштейн*

ЕВРАЗИЯ

Замечания исторического характера

Что такое правда? Когда речь заходит о *прошлом*, ответить на этот вопрос очень непросто. Уинстон Черчилль как-то сказал, что «история написана победителями». Если он прав, тогда каким историческим документам можно доверять? Письменные свидетельства уходят в прошлое всего на каких-нибудь шесть тысяч лет, описывая лишь последний маленький шаг человечества на нашей планете. И даже эта хроника изобилует пробелами, превращающими историю в истлевший, изъеденный молью гобелен. Что самое примечательное, в этих дырах с неровными краями затерялись многие величайшие исторические тайны, ждущие, когда их откроют заново, в том числе события, ставшие поворотными точками в истории, те редкие моменты, которые изменили ход развития цивилизаций.

Одной такой точкой стал 452 год нашей эры, когда неудержимые полчища гуннов под предводительством Атиллы прокатились по северной Италии, уничтожая все на своем пути. Рим остался беззащитен, обреченный пасть под натиском варваров. Папа Лев I выехал из Рима и встретился с Атилой на берегах озера Гарда. Они говорили друг с другом наедине, без свидетелей, и не осталось никаких письменных свидетельств того, что они обсуждали. После этой встречи Атила развернул свои орды, отказавшись от неминуемой победы, от разорения Рима, и вскоре варвары покинули Италию.

Почему? Что такое произошло на этой встрече с понтификом, что Атила отвернулся от верной победы? История не дает ответа на этот вопрос.

Переверните эту страницу и узнайте, как близко мы подошли к тому, чтобы уничтожить самих себя; в тот момент, затерявшийся во времени, Западная цивилизация была на грани того, чтобы напороться на острие меча – на лезвие, известное как Меч Господа.

Замечания научного характера

Что такое реальность? Этот вопрос является самым простым – и в то же время самым сложным. На протяжении столетий он ставит в тупик физиков и философов. Платон в своем труде «Государство» сравнивает «истинный» мир с тенью, дрожащей на стене пещеры. Как это ни странно, тысячелетия спустя ученые, пройдя своим путем, пришли к такому же заключению.

Та самая страница, на которой написан этот текст (или электронная книга), сделана в основном из *ничего*. Загляните глубже в то, что кажется твердым веществом, и вы увидите, что реальность состоит из бесчисленного скопления атомов. Вскройте эти атомы, и вы увидите крошечное сплошное ядро из протонов и нейтронов, окруженное пустыми оболочками, по которым кружат немногочисленные электроны. Но и даже эти элементарные частицы можно расщепить еще дальше, на кварки, нейтрино, бозоны и так далее. Если же отправиться еще дальше, вы войдете в загадочный мир, наполненный лишь вибрирующими потоками энергии, которые, возможно, и являются истинными источниками того «пламени», которое порождало пляшущие тени Платона.

С таким же необычным вы столкнетесь, если устремите взгляд «наружу», в ночное небо, в бескрайность, выходящую за рамки понимания, в безграничную пустоту, усеянную пылью миллиардов галактик. И даже это бесконечное изобилие может быть лишь *одной* Вселенной из многих, непрерывно расширяющихся в мульти-Вселенную. А что же наша Вселенная? Согласно новейшим гипотезам, все, что мы ощущаем – от крошечного вибрирующего потока энергии до огромной галактики, вращающейся вокруг водоворота черных дыр, искажающих реальность, – возможно, не более чем «голограмма», трехмерная иллюзия, и в действительности вся наша жизнь лишь искусственно смоделирована.

Возможно ли такое? Неужели Платон все это время был прав: *мы слепы к реальной действительности вокруг нас, и все, что нам известно, – это лишь дрожащая тень на стене пещеры?*

Переверните эту страницу (если это страница) и откройте для себя пугающую правду.

Пролог

Лето 453 года нашей эры

Центральная Венгрия

Вождь слишком медленно умирал на своем брачном ложе.

Стоя на коленях, убийца склонилась над ним. Дочь бургундского принца была седьмой женой вождя. Ее насильно выдали замуж за предводителя варваров. Девушку звали Ильдико, что на ее родном языке означало «свирепый воин». Однако сейчас она совсем не чувствовала себя свирепой, дрожа от страха рядом с умирающим кровавым тираном, заслужившим прозвище *Flagellum Dei*, «Бич Божий». Живой легендой, обладающей, по слухам, мечом, выкованным самим скифским богом войны.

Одно только имя его – *Аттила* – открывало ворота городов и ломало дух защитников осажденных крепостей, так велик был ужас перед ним. Но сейчас, голый и умирающий, он казался не более страшным, чем обычный человек. Ростом вождь был немногим выше Ильдико, однако его тело было заковано в панцирь мощных мышц и прочных костей, что отличало все кочевые народы. Глаза, широко расставленные и глубоко посаженные, напоминали девушке свиньи глазки, особенно когда он таращился на нее затуманенным взором, грубо лишая ответственности. Белки были испещрены красными жилками от многочисленных чаш вина, поглощенных на свадебном пиру.

И вот теперь настал ее черед смотреть на него сверху вниз, оценивая каждый сдавленный хрип, стараясь определить, как скоро смерть приберет его. Ильдико понимала, что чересчур осторожно распорядилась ядом, который ей дал епископ Валенсийский, в свою очередь получивший его от архиепископа Венского, и все с одобрения короля бургундов Гундиоха. Побоявшись, что тиран почувствует горечь яда в чаше с вином, девушка положила слишком маленькую дозу.

Ильдико стиснула стеклянный флакон, теперь наполовину пустой, ощущая причастность к этому покушению других рук, еще более могущественных, чем даже руки короля Гундиоха. Она проклинала себя за то, что эта тяжелая ноша оказалась в конце концов на ее хрупких плечах. Ну как судьбы всего мира, настоящее и будущее, доверили ей, девушке, видевшей всего четырнадцать зим?

И тем не менее, необходимость этого черного деяния ей объяснил укутанный в плащ неизвестный, появившийся на пороге дома ее отца пол-луны назад. Ильдико уже сосватали вождю варваров, но в ту ночь ее представили таинственному незнакомцу. Девушка успела заметить на левой руке золотой кардинальский перстень. Незнакомец рассказал ей все – как всего год назад орды варваров под предводительством Аттилы прошли по северной Италии, разорив города Падую и Милан, безжалостно убивая всех на своем пути – мужчин, женщин, детей. Остались в живых только те, кому удалось бежать в горы или скрыться в прибрежных болотах; они-то и поведали о зверствах захватчиков.

– Рим был обречен пасть под ударом его безбожного меча, – объяснил девушке кардинал, сидя в зале перед неразожженным очагом. – Понимая это, Его Святейшество папа Лев покинул свой земной престол и выехал навстречу приближающимся варварам, чтобы встретиться с завоевателем на берегах озера Гарда. И силой своего духовного могущества понтифик прогнал безжалостного гунна прочь.

Ильдико поняла, что не одно только «духовное могущество» заставило варваров повернуть вспять, – но также и сверхъестественный ужас, обуявший их предводителя.

И вот сейчас, сама объятая страхом, девушка смотрела на ларец, стоящий на возвышении в ногах ложа. В тот день понтифик вручил этот маленький сундучок и как дар, и как грозное предостережение. Ларец имел не больше локтя в длину и столько же в высоту, но Ильдико

знала, что внутри хранится судьба мира. Девушка боялась прикоснуться к нему, открыть его, – но она сделает это, как только ее новоиспеченный супруг наконец умрет. Одновременно Ильдико могла бороться только с одним ужасом.

Ее взгляд испуганно метнулся к закрытой двери брачной опочивальни вождя. За окном небо на востоке начинало бледнеть обещанием нового дня. Скоро рассветет, и тогда слуги вождя войдут в опочивальню. К этому времени тиран должен умереть.

Ильдико смотрела, как при каждом натужном выдохе из ноздрей лежащего навзничь умирающего пузырится кровь. Слушала хриплый клекот у него в груди. Слабый кашель вызвал появление на губах кровавой пены, которая стекла струйкой по раздвоенной бороде и скопилась в ямке на горле. Стало отчетливо видно биение его сердца, слабеющими ударами вызывавшего дрожь этой алой лужицы.

Девушка вознесла молитву, прося небо о том, чтобы вождь умер – и как можно скорее.

Гори в адском пламени, где твое место...

Небеса словно услышали ее мольбу – последний хриплый вдох вырвался из заполненного кровью горла умирающего, выплескивая на губы алую пену, после чего его грудная клетка сжалась в последний раз и больше уже не поднималась.

Ильдико тихо вскрикнула от радости, не обращая внимания на навернувшиеся слезы. Дело сделано. Бич Божий наконец умер, он больше не сможет сеять в мире разорение. И это произошло как раз вовремя.

Встретившись с Ильдико в доме ее отца, кардинал поведал о планах Аггилы снова двинуть свои полчища на Италию. Девушка слышала похожие разговоры на свадебном пиру – хвастливые угрозы разорить Рим, стереть город с лица земли и перебить всех его жителей. Яркому светочу цивилизации грозило навсегда погаснуть под ударами мечей варваров.

Одним кровавым поступком Ильдико *настоящее* было спасено.

Однако она еще не до конца сделала свое дело.

Будущему по-прежнему грозила опасность.

Девушка проползла голыми коленями по ложу и соскользнула на пол. К маленькому ларцу она приблизилась, испытывая больший страх, чем когда подсыпала яд в вино своему супругу.

Наружный сундук был сделан из железа, плоский со всех сторон, с крышкой на петлях. Никаких украшений, если не считать двух символов, высеченных на поверхности. Письмена были не знакомы Ильдико, но кардинал предупредил ее, чего нужно ожидать. По слухам, это был язык далеких предков Аггилы, кочевых племен, живущих далеко на востоке.

Девушка прикоснулась к одной надписи, состоящей из простых прямых линий.

– Дерево, – едва слышно прошептала Ильдико, стараясь собраться с духом.

И действительно, символ чем-то напоминал дерево. С благоговейным почтением девушка прикоснулась к его соседу, его точной копии – *второму* дереву.

Лишь после этого она нашла в себе силы положить пальцы на крышку ларца и открыть ее. Внутри оказалась вторая шкатулка, уже из чистого серебра. Грубый символ на крышке также был начертан с особым смыслом.

Эти простые черточки означали «приказ» или «распоряжение».

Понимая, что времени у нее осталось совсем мало, Ильдико, как могла, успокоила трясущиеся пальцы и подняла крышку серебряной шкатулки, открывая находящийся внутри *третий* ларец, на этот раз золотой. В дрожащем свете факела его сияющая поверхность казалась жидкой. Символ, вырезанный на ней, был похож на сочетание рисунков на железе и серебре; один поверх другого, они образовывали новое слово.

Кардинал предупредил Ильдику о значении последнего знака.

– *Запрещено*, – выдохнула она.

С огромной осторожностью девушка открыла внутреннюю шкатулку. Ей было наперед известно, что она там найдет, и все же, когда она увидела содержимое, ее охватила дрожь, а по коже пробежали мурашки.

В самом сердце золотого ларца тускло сияли пожелтевшие кости человеческого черепа. Нижняя челюсть отсутствовала, пустые глазницы слепо смотрели вверх, словно устремив свой взор к небесам. Но, как и шкатулки, кости также были покрыты письменами. Строчки знаков спускались от макушки, закручиваясь плотными спиралями. Символы отличались от тех, что украшали крышки трех шкатулок; надписи были на древнееврейском – по крайней мере, так сказал кардинал. Точно так же он объяснил девушке значение этой реликвии.

Череп являлся иудейским талисманом, просьбой о милосердии и спасении, обращенной к Господу.

Папа Лев предложил это сокровище Атилe, попросив взамен даровать спасение Риму. Однако при этом понтифик предупредил вождя гуннов о том, что могущественный талисман является лишь одним из многих, хранящихся в Риме под защитой гнева Господа, и всякий, дерзнувший силой проникнуть за городские стены, обречен на смерть. В подкрепление своих слов папа поведал историю предводителя вестготов Алариха, который разорил Рим сорок лет назад, но умер вскоре после того, как покинул город.

Испугавшись проклятия, Атила развернул свои полчища и покинул Италию, унося с собой драгоценное сокровище. Но, как это часто случается, время в конце концов рассеяло

страхи, и к предводителю гуннов вернулось желание осадить Рим и проверить справедливость легенды о господнем гневе.

Ильдико посмотрела на его расprostертое тело. Похоже, Аттила уже не прошел это испытание. В конечном счете, даже сильным мира сего не избежать смерти.

Зная, что ей нужно делать, Ильдико протянула руку к черепу. И все же ее взгляд задержался на царапинах в центре спирали. Череп призывал ниспослать спасение от того пророчества, которое было на нем начертано.

Здесь была указана дата конца света.

Под черепом лежал Ключ к судьбе Мира – скрытый железом, серебром, золотом и костью. Его истинное значение всплыло всего одну луну назад, после приезда в Рим священника-несторианца из Персии, прослышавшего про то, что Аттиле была преподнесена в дар реликвия из сокровищницы церкви, реликвия, в свое время переданная в Рим самим Несторием, Константинопольским патриархом. Священник открыл папе Льву правду про то, что скрывалось в этом гнезде из ларцов и кости. Что пришло даже не из Константинополя, а издалека, с Востока, отправленное на хранение в Вечный город.

В конце концов священник сообщил папе об *истинном* сокровище – а также назвал имя человека, который при жизни был обладателем этого черепа.

Пальцы Ильдико, прикоснувшись к реликвии, снова задрожали. Казалось, пустые глазницы пристально смотрят на нее – те самые глаза, которые, если несторианец сказал правду, когда-то смотрели на живого Господа, на Иисуса Христа.

Девушка застыла в нерешительности, не в силах сдвинуть с места священную реликвию, – и была наказана за свои колебания стуком в дверь опочивальни. Последовал гортанный оклик. Ильдико не понимала язык гуннов, но она догадалась, что люди Аттилы, не получив ответ от своего вождя, скоро ворвутся внутрь.

Она слишком долго медлила.

Словно очнувшись, Ильдико подняла череп, открывая то, что лежало под ним, – но *ничего* не увидела. На золотом дне ларца было лишь углубление в форме того предмета, который когда-то там лежал, древнего креста – реликвии, якобы упавшей прямо с небес.

Но она исчезла, была похищена.

Ильдико перевела взгляд на своего мертвого супруга, человека, который славился не только своей жестокостью, но и хитростью. Говорили, что у него есть уши под каждым столом. Неужели предводитель гуннов прознал о тайнах, которыми поделился в Риме с папой священник-несторианец? А потом забрал и спрятал небесный крест? Не в этом ли истинная причина его желания разорить Рим, внезапно разгоревшегося с новой силой?

Крики за дверью становились все громче, стук – все настойчивее.

Ильдико в отчаянии положила череп на место и один за другим закрыла ларцы. Только после этого она упала на колени и закрыла лицо. Ее тело затряслось в рыданиях, и в этот момент у нее за спиной затрещали доски выбитой двери.

Девушка захлебнулась слезами, точно так же, как захлебывался кровью ее супруг.

В опочивальню ворвались люди. Когда они увидели своего предводителя на смертном одре, их крики стали пронзительнее, вскоре послышались завывания и стенания.

Однако никто не осмеливался прикоснуться к Ильдико, которая стояла на коленях рядом с ложем, раскачиваясь из стороны в сторону. Все решили, что она оплакивает своего покойного супруга, умершего вождя, но они были не правы.

Ильдико оплакивала мир.

Мир, который теперь был обречен сгореть дотла.

Настоящее время

17 ноября, 16 часов 33 минуты

по центральноевропейскому времени

Рим, Италия

Казалось, даже звезды были настроены против него.

Кутаясь от пронизывающего осеннего ветра, монсеньор Вигор Верона пересек погруженную в темноту Пьяцца делла Пилотта. Он остановился, окинув взглядом раскинувшийся вокруг город. Несмотря на толстый шерстяной свитер и пальто, его била дрожь – вызванная не холодом, а нарастающим ощущением беды.

На темнеющем небе сияла ослепительная комета, зависшая над куполом собора Святого Петра, самым высоким зданием во всем Риме. Небесная гостья, самая яркая за последние несколько сотен лет, затмевала недавно взошедшую луну, оставляя за собой на фоне звезд длинный искрящийся хвост. Подобные ночи нередко рассматриваются историей как предвестники беды.

Монсеньор вознес к небу молитву, прося, чтобы в данном случае это оказалось не так.

Вигор крепче стиснул зажатый в руках сверток. Он неловко завернул его обратно в плотную оберточную бумагу, однако до цели назначения было совсем недалеко. Впереди, обрамленный пристроенными крыльями и отдельными зданиями, возвышался величественный фасад Григорианского университета при понтификате. Хотя монсеньор по-прежнему оставался членом папского Института христианской археологии, в настоящее время он лишь изредка читал лекции в качестве приглашенного преподавателя. Сейчас Вигор служил Святому престолу как префект Archivio Segreto Vaticano, тайных архивов Ватикана. Однако ту ношу, которая была у него в руках сейчас, он нес не как профессор или префект, а как друг.

Подарок умершего коллеги.

Дойдя до главного входа в университет, монсеньор оказался в атриуме, отделанном белым мрамором. У него здесь по-прежнему был собственный кабинет, это было его право. Больше того, он частенько приходил сюда, чтобы составлять каталоги и перекрестные ссылки внушительного университетского книгохранилища. Сравнимое даже с городской Национальной библиотекой, оно содержало свыше миллиона томов, хранящихся в примыкающей шестиэтажной башне. Среди них было обширное собрание древних рукописей и редких изданий.

Однако ни здесь, ни в Ватиканском архиве ничто не могло сравниться с книгой, которую Вигор нес сейчас, – как и с тем, что лежало в свертке вместе с ней. Вот почему он решил обратиться за советом к единственному человеку в Риме, которому полностью доверял.

По мере того как монсеньор преодолевал все новые лестницы и узкие коридоры, его колени начинали все сильнее жаловаться. В свои шестьдесят с лишним он все еще оставался в хорошей форме, что объяснялось десятилетиями работы в поле, на археологических раскопках, однако последние несколько лет ему пришлось провести погребенным в архивах, заточенным за письменным столом, заваленным книгами, скованным кандалами ответственности перед Святым отцом.

«Господи, по силам ли мне эта задача?»

Он должен справиться.

Наконец Вигор добрался до того крыла, где находились кабинеты профессорско-преподавательского состава университета. Он сразу же заметил знакомую фигуру у двери своего кабинета. Племянница его опередила. Должно быть, она пришла сюда прямо с работы. На молодой женщине все еще была форма карабинеров, состоявшая из темно-синих брюк и кителя, отделанных красным кантом, с серебряными эполетами на плечах. Еще не достигнув тридцати лет, она уже была лейтенантом полиции охраны культурного наследия, занимавшейся борьбой с незаконным оборотом краденых предметов искусства и исторических ценностей.

При виде племянницы монсеньора захлестнуло чувство гордости. Он пригласил ее сюда не только из чувства любви, но и полагаясь на ее опыт в подобных делах. Верона никому не доверял так, как ей.

– Здравствуйте, дядя Вигор! – Быстро обняв пожилого прелата, Рейчел отпрянула назад, зачесывая длинные черные волосы за ухо и одобрительно окидывая его взглядом своих острых карамельно-карих глаз. – Что стряслось такого неотложного?

Монсеньор оглядел коридор в обе стороны, однако в воскресенье, в этот час здесь никого не было, и все кабинеты казались темными и безжизненными.

– Зайдем, и я тебе все объясню.

Отперев дверь, он пригласил племянницу внутрь. Несмотря на то высокое положение, которое занимал монсеньор, его кабинет напоминал тесную келью, заставленную шкафами, набитую книгами и подшивками журналов. Маленький письменный стол приютился у стены под окном, узким, словно бойница в крепостной стене. Только что взошедшая луна отбрасывала полоску серебристого света на царивший в кабинете хаос.

Лишь после того, как они оба вошли в кабинет и за ними закрылась дверь, Вигор осмелился зажечь настольную лампу. Он облегченно вздохнул, черпая уверенность и спокойствие в знакомой обстановке.

– Помоги расчистить место на столе.

Как только это было сделано, Вигор положил сверток на стол и развернул плотную коричневую бумагу, открывая маленький деревянный ящичек.

– Вот это доставили мне сегодня. Без обратного адреса, только имя отправителя.

Он отогнул край обертки, показывая Рейчел.

Брат Иосип Тараско

– Брат Иосип Тараско, – прочитала вслух молодая женщина. – Мне должно быть известно это имя?

– Нет, ни в коем случае. – Вигор посмотрел на племянницу. – Этот человек был объявлен умершим более десяти лет назад.

Сдвинув брови, Рейчел напряглась.

– Но сверток слишком свежий. Он не мог столько времени доставляться почтой. – Она подняла взгляд на дядю. – А что, если кто-то решил разыграть жестокую шутку и назвался его именем?

– Не могу предположить, кому это могло понадобиться. Больше того, я считаю, именно с этой целью отправитель подписал сверток от руки: чтобы я смог проверить, что она действительно от отца Тараско. Мы с ним были близкими друзьями. Я сравнил надпись на посылке со старыми письмами, сохранившимися у меня. Почерк совпадает.

– Итак, если этот отец Тараско по-прежнему жив, почему он был объявлен умершим?

Вигор вздохнул.

– Отец Тараско пропал без вести во время исследовательской поездки в Венгрию. Он готовил подробный доклад об охоте на ведьм, которая велась в этой стране в восемнадцатом веке.

– Об охоте на ведьм?

Вигор кивнул.

– В начале восемнадцатого столетия на Венгрию обрушилась засуха, продолжавшаяся целое десятилетие, а за ней последовали голод и болезни. Потребовался козел отпущения, на которого можно было свалить всю вину. На протяжении всего пяти лет свыше четырехсот ведьм и колдунов были осуждены и преданы смерти.

– А что насчет вашего друга? Что с ним произошло?

– Ты должна понимать, что, когда Иосип отправился в Венгрию, страна только недавно стряхнула с себя контроль Советов. Время тогда наступило беспокойное, и задавать слишком много вопросов было опасно, особенно в сельской местности. Последним известием от Иосипа было сообщение, оставленное на моем автоответчике. Он сказал, что наткнулся на какие-то странные обстоятельства, связанные с группой из двенадцати колдунов – шести женщин и шести мужчин, – сожженных в маленьком городке на юге Венгрии. В его голосе звучали страх, но также и восторженное возбуждение. И после этого – ничего. Больше никаких вестей о нем не было. Полиция и Интерпол целый год занимались этим делом. Затем после еще четырех лет молчания Иосип наконец был объявлен умершим.

– То есть все это время он мог прятаться. Но зачем? И, что гораздо важнее, *почему* сейчас, по прошествии десяти лет, он вдруг дал о себе знать?

Вигор повернулся к племяннице спиной, пряча улыбку гордости. Он оценил то, как Рейчел так быстро ухватила самую суть дела.

– Полагаю, ответ на твой второй вопрос станет очевиден, когда ты ознакомишься с тем, что прислал Иосип, – сказал он. – Взгляни.

Собравшись с духом, Верона открыл крышку ящичка. Осторожно достав первый из двух предметов, содержащихся в посылке, он положил его на стол в полоску лунного света.

Молодая женщина непроизвольно отшатнулась назад.

– Это череп? *Человеческий* череп?

– Совершенно верно.

Преодолев первоначальное удивление, Рейчел шагнула к столу. Сразу же заметив корявые надписи на черепной коробке, она проследила пальцем за извивающейся спиралью, не прикасаясь к ней.

– А эти письмена? – спросила она.

– Арамейский. На мой взгляд, это образчик ранней талмудической магии, которой занимались вавилонские иудеи.

– Магии? То есть колдовства?

– В каком-то смысле. Такие талисманы ограждали от демонов или являлись призывом о помощи. Археологи уже много лет находят при раскопках подобные артефакты – в основном сосуды, но изредка также и черепа. Две такие реликвии хранятся в Берлинском музее. Остальные находятся в частных собраниях.

– Ну, а эта? Вы сказали, что отец Тараско интересовался колдунами, и можно предположить, его интерес распространялся также и на различные оккультные предметы.

– Возможно. Однако я не думаю, что данный череп является *подлинным*. Талмудическая магия зародилась в третьем веке нашей эры и уже к седьмому исчезла. – Вигор провел над черепом рукой, словно накладывая на него свое заклятие. – Подозреваю, этот череп не настолько старый. Быть может, в лучшем случае тринадцатый или четырнадцатый век. Я уже отправил один зуб в университетскую лабораторию, чтобы подтвердить свою оценку.

Молодая женщина медленно кивнула, погруженная в задумчивое молчание.

– Но я также изучил эту надпись, – продолжал монсеньор. – Мне хорошо знакома эта разновидность арамейского. Я обнаружил в написании множество вопиющих ошибок – перевернутые диакритические знаки, неправильно расставленные или отсутствующие акценты. Как будто кто-то неумело скопировал оригинальную рукопись, абсолютно не понимая древний язык.

– В таком случае получается, что череп – это подделка?

– Сказать по правде, я считаю, что его создатель не преследовал никаких неблагоприятных целей. На мой взгляд, речь шла не столько об *обмане*, сколько о *сохранении*. Кто-то опасался, что эти знания будут безвозвратно потеряны, и потому решил сделать копии, чтобы сохранить нечто гораздо более древнее.

– Какие знания?

– Сейчас я к этому подойду.

Протянув руку к ящичку, Вигор извлек второй предмет и положил его на стол рядом с черепом. Это была древняя книга, шириной с локоть и вдвое больше длиной. Она была переплетена в необработанную кожу, страницы скрепляли неровные стежки толстого шнура.

– Это образчик антроподермической библиопегии¹, – объяснил монсеньор.

– И это означает?... – вопросительно сморщила лицо Рейчел.

– Эта книга переплетена *человеческой* кожей и сшита *человеческими* же жилами.

Молодая женщина снова отпрянула назад, однако на этот раз она уже не поспешила вернуться к столу.

– Как вы это определили?

– Пока что это только предположение. Но я отправил образец кожи в ту же лабораторию, что и зуб черепа, на предмет установления возраста и анализа ДНК. – Вигор взял в руки зловещий фолиант. – Я уверен, что моя догадка верна. Я изучил кожу с помощью препарировальной лупы. Поры человеческой кожи существенно отличаются размерами и даже формой от тех, что есть в свиной и телячьей кожах. И если ты присмотришься внимательнее, в середине обложки...

Он провел ногтем по глубокой складке на поверхности обложки.

– При соответствующем увеличении можно рассмотреть фолликулы ресниц.

Его племянница побледнела.

– Ресниц?

– На обложке человеческий *глаз*, зашитый более тонкими жилами.

Сглотнув подкативший к горлу клубок, молодая женщина спросила:

– Так что же это такое? Какой-то оккультный текст?

– Я тоже так думал, особенно если учесть интерес Иосипа к венгерским колдунам. Но нет, это не рукопись, посвященная демонам. Хотя в определенных кругах текст считается богохульным.

Вигор осторожно раскрыл обложку, следя за тем, чтобы не приложить чрезмерного усилия к переплету. Он показал страницы, написанные на латыни.

– На самом деле это гностическая книга Библии.

Склонившись над манускриптом, Рейчел, хорошо владеющая латынью, перевела вслух первые строчки:

– «Это тайные слова, которые сказал Иисус живой...» – Узнав эти слова, она оглянулась на дядю. – Это же Евангелие от Фомы!

Монсеньор кивнул.

– Апостола, усомнившегося в воскрешении Христа.

– Но почему оно переплетено в человеческую кожу? – с отвращением произнесла Рейчел. – Зачем вашему пропавшему без вести коллеге понадобилось присылать вам такие жуткие вещи?

– В качестве предупреждения.

– Предупреждения о чем?

Вигор снова обратил свое внимание на череп.

– Заклинание, написанное здесь, – это мольба к Господу спасти мир от гибели.

– Хотя я, вне всякого сомнения, полностью поддерживаю это обращение, какое отношение...

Монсеньор не дал ей договорить.

---

¹ Библиопегия – искусство переплетения книг. (Здесь и далее прим. пер.)

– На черепе, в центре закрученной по спирали надписи, начертана пророческая дата грядущего апокалипсиса. Я перевел число из древнееврейского календаря в современную форму. – Он прикоснулся пальцем к макушке черепа. – Вот почему отец Иосип дал о себе знать и прислал мне эти реликвии.

Рейчел молча ждала его объяснения.

Вигор посмотрел в окно на комету, сияющую на ночном небе, настолько яркую, что в сравнении с ней меркла луна. Когда он увидел зависшую в вышине вестницу судьбы, его охватила дрожь.

– Дата конца света... *это будет через четыре дня.*

Часть первая

Разрушение и огонь

Глава 1

*17 ноября, 07 часов 45 минут
по тихоокеанскому поясному времени
Авиабазы Лос-Анджелес
Эль-Сегундо, штат Калифорния*
Паника нарастала.

Находясь на наблюдательной площадке над центром управления, Пейнтер Кроу чувствовал отчаяние от того, что внезапно смолкла болтовня находившихся здесь сотрудников. Волнение пробежало по цепочке командования и распространилось на весь Ракетно-космический центр. В столь ранний час здесь присутствовало только высшее руководство базы, а также главы нескольких исследовательских подразделений министерства обороны.

Просторный зал внизу выглядел уменьшенной копией центра управления полетами НАСА. От трех огромных жидкокристаллических экранов на дальней стене расходились ряды компьютерных консолей и пультов управления спутниками. На средний экран была выведена карта мира, исчерченная светящимися линиями, которые отображали траектории двух военных спутников и путь кометы.

На два экрана по бокам выводились в реальном времени кадры, снятые телевизионными камерами спутников. На *левом* – на фоне открытого космоса медленно перемещался изгиб земной поверхности. На *правом* – экран заполняло ослепительное сияние хвоста кометы, словно вуалью закрывавшего расположенные за ним звезды.

– Что-то пошло не так, – прошептал Пейнтер.

– Что ты имеешь в виду? – Его начальник стоял рядом с ним на наблюдательной площадке.

Генерал Грегори Меткалф возглавлял УППОНИР, Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, ведомство в составе Министерства обороны. Выпускник академии Уэст-Пойнт, Меткалф, негр лет пятидесяти с небольшим, был в полной военной форме.

Напротив, на Пейнтере был простой черный костюм, которому придавали еще более небрежный вид высокие ковбойские сапоги. Эти сапоги подарила ему Лиза, которая в настоящий момент отправилась в экспедицию в Нью-Мексико. Наполовину индеец, Кроу, наверное, должен был бы чураться таких сапог, но они ему, наоборот, нравились, особенно из-за того, что напоминали о невесте, с которой он не виделся уже целый месяц.

– Что-то напугало дежурного офицера, – объяснил Пейнтер, указывая на техника, сидевшего за консолью во втором ряду.

В этот момент ведущий специалист проекта присоединился к своему коллеге.

Меткалф небрежно махнул рукой.

– Ребята справятся. Это их работа. Они знают, что делают.

Генерал тотчас же вернулся к прерванному разговору с командующим 50-й космической эскадрилей, базирующейся в Колорадо-Спрингс.

По-прежнему встревоженный, Пейнтер внимательно следил за тем беспокойством, которое нарастало в центре. Его пригласили сюда наблюдать за этой сверхсекретной военной операцией не только потому, что он был директором группы «Сигма», действующей под эгидой

УППОНИР, но также потому, что он лично разработал одно из устройств, установленное на борту спутников.

Оба спутника, ИГЭ-1 и ИГЭ-2, были запущены в космос четыре месяца назад. Аббревиатура «ИГЭ» обозначала «интерполяцию геодезического эффекта»; это название было впервые предложено военным астрофизиком, возглавлявшим один из проектов в рамках исследования силы земного притяжения. Ученый намеревался провести полный анализ искривления пространства и времени вокруг Земли, что должно было позволить более точно рассчитывать траектории баллистических ракет и спутников.

Эти работы были амбициозны уже сами по себе, но после того, как пару лет назад двумя астрономами-любителями была обнаружена приближающаяся к Земле комета, проект был спешно переориентирован на новую цель – особенно когда выяснилось, что небесная странница обладает аномальной энергетической сигнатурой.

Пейнтер искоса взглянул на свою соседку слева, отметив, как напряжена гибкая фигура сотрудницы Астрофизической обсерватории Смитсоновского института².

Несмотря на свои двадцать три года, доктор Джада Шоу обладала высоким ростом при худощавом телосложении бегуны. Ее кожа была цвета крепкого кофе, а черные волосы вились короткими жесткими кудрями, подчеркивая длинный изгиб шеи. Одета в джинсы и белый халат, она стояла, скрестив руки на груди, и нервно покусывала ноготь большого пальца.

Семнадцать месяцев назад молодую ученую-астрофизика похитили из Гарвардского университета и привлекли к этому сверхсекретному военному проекту, создав ей все условия для работы. Очевидно, девушка до сих пор чувствовала себя не в своей тарелке, хотя и старалась всеми силами это скрыть.

Ничего хорошего в этом не было. У доктора Шоу не было никаких причин так волноваться. Своей работой она уже успела заслужить международное признание. С помощью квантовых уравнений – эти вычисления выходили далеко за рамки научных познаний Пейнтера – молодая астрофизик разработала необычную теорию, связанную с так называемой «темной энергией», таинственной силой, которая составляла три четверти Вселенной и отвечала за ее ускоряющееся расширение в космическом пространстве.

Дальнейшим свидетельством незаурядного дарования доктора Шоу стало то, что она единственная из физиков обратила внимание на небольшие аномалии в поведении приближающейся небесной гостьи, ярко сияющей на ночном небе, кометы, получившей обозначение ИКОН.

Полтора года назад Джада Шоу задействовала новейшую камеру регистрации темной энергии, с матрицей в 570 мегапикселей, разработанную лабораторией Ферми здесь, в Штатах, и установленную в обсерватории в горах Чили. С ее помощью она проследила за продвижением кометы. Именно тогда ей удалось обнаружить аномалии, которые, на ее взгляд, свидетельствовали о том, что комета отражает или сама выделяет темную энергию.

Эти работы тотчас же были засекречены по соображениям национальной безопасности. Подобный источник новой энергии обладал огромным, неограниченным потенциалом – как экономическим, так и военным.

С этого момента сверхсекретный проект ИГЭ перенацелился на одну-единственную задачу: исследование потенциала темной энергии, которой обладала комета. Замысел заключался в том, что ИГЭ-2 предстояло пересечь сияющий хвост кометы, попытаться уловить аномальную энергию, обнаруженную доктором Шоу, и передать ее на второй спутник, кружащийся вокруг Земли.

---

² Смитсоновский институт – квазигосударственное учреждение, крупный комплекс культурно-просветительских и научных учреждений в Вашингтоне.

К счастью, для того, чтобы ИГЭ смог выполнить эту задачу, инженерам пришлось внести лишь самые минимальные изменения в конструкцию спутника, который первоначально создавался для других целей. Изначально в его сердце была установлена идеальная сфера из чистого кварца. Предполагалось, что, когда спутник будет выведен на орбиту, эту сферу раскрутят с целью создания гироскопического эффекта, который можно было бы использовать для съемки искривления пространства и времени вокруг земной массы. Если эксперименты пройдут успешно, луч темной энергии от одного спутника к другому вызовет кратковременное возмущение в этой кривой.

Это был очень смелый эксперимент. Даже кварцевый гироскоп теперь в шутку называли «Глазом Бога». Пейнтер оценил новое прозвище, мысленно представив сверкающую сферу, которая вращается, ожидая возможности заглянуть в тайны Вселенной.

Послышался голос ведущего специалиста:

– Космический аппарат войдет в зону хвоста через *десять минут!*

Начался обратный отсчет. Взгляд доктора Шоу оставался прикован к потоку данных, бегущему по огромному экрану.

– Директор Кроу, надеюсь, вы ошибались, – сказала Джада. – Относительно того, что возникли какие-то неприятности. Сейчас не время для ошибок, особенно если учесть, что мы собираемся прикоснуться к энергии, связанной с рождением нашей Вселенной.

«В любом случае, – подумал Пейнтер, – теперь уже поздно поворачивать обратно».

07 часов 55 минут

На протяжении шести мучительно долгих минут траектория движения ИГЭ-2 медленно исчезала в глубинах потока ионизированного газа и пыли. Правый экран, тот, на который выводилось изображение с телевизионной камеры спутника, заполнило сплошное белое «молоко». Теперь ИГЭ летел вслепую, полагаясь исключительно на телеметрическую информацию.

Пейнтер попытался охватить сразу все, улавливая царящее в зале возбуждение, ощущая историческое значение момента.

– Я регистрирую выброс энергии в ИГЭ-2! – доложил техник-связист, прильнувший к экрану.

Раздались жидкие восторженные восклицания, однако они быстро затихли, задавленные напряжением текущего момента. Эти данные могли быть ошибочными.

Все взгляды переключились на другую консоль, за которой сидел инженер-штурман, следивший за движениями спутника. Тот покачал головой. Судя по всему, не было никаких свидетельств того, что энергия, перехваченная первым спутником, была передана на его близнец, находящийся на орбите Земли. Внезапно инженер вскочил на ноги.

– Есть что-то! – закричал он.

К нему поспешил главный специалист РКЦ.

Пока все ждали подтверждения, доктор Шоу указала на экран с картой мира, по которому бежали строки телеметрической информации.

– Пока что выглядит многообещающе.

Раз вы так считаете...

В ползущем потоке данных для Пейнтера не было никакого смысла. И теперь этот поток пополз еще быстрее. Прошла еще одна напряженная минута, и стремительно бегущие по экрану цифры слились в сплошную неразборчивую полосу.

Техник-связист вскочил на ноги. На его консоли мелькали сообщения об ошибках и предупреждениях. Он тщетно пытался следить за продвижением спутника сквозь хвост кометы.

– Сэр, уровень энергии здесь зашкаливает, система не справляется с нагрузкой. Что мне делать?

– Немедленно отключить! – приказал главный специалист.

Продолжая стоять, связист быстро застучал по клавиатуре.

– Не получается, сэр! Системы управления и навигации спутника не отвечают.

Огромный экран справа внезапно погас.

– Теперь также пропал сигнал с телекамеры, – добавил техник.

Пейнтер мысленно представил спутник, летящий в пустоте сквозь холодный поток космического мусора, погруженный в крошечную темноту.

– Сэр! – Инженер, управляющий спутником ИГЭ-1, поднял руку, подзывая к себе главного специалиста. – Я только что получил новые показания. Вам нужно на них взглянуть.

Доктор Шоу переместилась к самым перилам, стараясь хоть одним глазом взглянуть на консоль. Пейнтер присоединился к ней, вместе с большинством высших офицеров, находившихся на наблюдательной платформе.

– Геодезический эффект меняется, – объяснил инженер, показывая на монитор. Отклонение ноль целых две десятых процента.

– Это просто невозможно, – пробормотала стоящая рядом с Пейнтером доктор Шоу. – Если только пространственно-временной континуум вокруг Земли не начинает сминаться складкой.

– И посмотрите, – продолжал инженер. – Гироскопический момент «Глаза» усиливается, усиливается значительно больше по сравнению с оценками, полученными перед запуском спутника. Я даже получаю сигнатуру ускорения!

Доктор Шоу крепче стиснула перила ограждения, казалось, готовая прыгнуть вниз.

– Этого не может быть, если только «Глаз» не получает энергию из внешнего источника.

Пейнтер почувствовал, что Джаде хочется во всеуслышание заявить, что причиной этого является *темная энергия*, но она сдержалась, не спеша делать скоропалительные выводы.

Раздался еще один голос – с поста, обозначенного «КОНТРОЛЬ».

– ИГЭ-1 теряет стабильность орбиты!

Пейнтер повернулся к большому экрану посередине, на который выводились карта мира и траектории спутников. Ровная синусоида ИГЭ-1 заметно исказилась.

– Судя по всему, гироскопические силы внутри спутника выталкивают его с орбиты, – объяснила доктор Шоу. В ее голосе прозвучала паника, к которой примешивалось восторженное возбуждение.

Левый экран показал, что профиль Земли становится больше, заполняя весь монитор, заслоняя черную пустоту открытого космоса. Спутник сошел с орбиты и начал медленное падение обратно в гравитационный колодец, из которого появился.

Передаваемое изображение быстро теряло четкость, заполняясь призрачными тенями, удваивающимися и утраивающими картинку. Это говорило о том, что спутник вошел в верхние слои атмосферы. Быстро проносились очертания континентов, клубящиеся облака, ярко-синие просторы океанов. Через мгновение и этот экран также погас.

В центре воцарилась гнетущая тишина.

На экране с картой мира линия движения спутника расщепилась на конце в бахрому – это главный компьютер попытался экстраполировать различные траектории падения, принимая в расчет всевозможные переменные величины: завихрения в верхних слоях земной атмосферы, угол вхождения, скорость, с которой космический аппарат будет разваливаться на части.

– Судя по всему, обломки рассыплются вдоль восточной границы Монголии, – заметил специалист по телеметрической информации. – Возможно, что-то упадет и на Китай.

– Можно не сомневаться, Пекин подберет все до последней пылинки, – проворчал себе под нос командующий 50-й космической эскадрилей.

Пейнтер был с этим согласен. Китай обязательно заметит проносящийся над его территорией поток пылающего космического мусора.

Генерал Меткалф многозначительно посмотрел на Пейнтера. Тот понял, что означает этот взгляд. Новейшие технологии, воплощенные в спутнике, были строго засекречены. Они ни в коем случае не должны попасть в чужие руки.

На какую-то долю секунды левый экран ожил, но тотчас же снова погас – последняя судорога умирающего спутника.

– «Птичка» умерла! – наконец объявил управляющий полетами. – Все передачи прекратились. Теперь это просто падающая каменная глыба.

Поток телеметрической информации на экране с картой мира замедлил свой бег, затем полностью остановился.

Внезапно доктор Шоу схватила Пейнтера за руку.

– Нужно вывести на экран последнее изображение, – сказала она. – То, которое было получено перед самой гибелью спутника.

По-видимому, Джада увидела какую-то аномалию, нечто такое, что вселило в нее ужас.

Меткалф также услышал ее восклицание.

Пейнтер повернулся к своему начальнику.

– Прикажите, чтобы это было выполнено. Нельзя терять ни минуты.

Приказание было быстро передано по цепочке в центр управления. Инженеры и техники засуетились, творя волшебство. Через несколько минут заново оцифрованное, обработанное и подчищенное последнее мелькнувшее изображение опять расцвело на большом экране.

Послышались встревоженные возгласы.

Меткалф склонился к уху Пейнтера.

– Если хотя бы одно *дуновение* от этого спутника уцелело, его нужно обнаружить любой ценой. Оно *ни в коем случае* не должно попасть к нашим врагам.

Пейнтер не возражал, полностью согласный со своим начальником.

– У меня уже есть оперативники на месте.

Генерал вопросительно посмотрел на него, без слов вопрошая, как такое оказалось возможно.

Простое везение.

Однако нужно воспользоваться этим благоприятным случаем и тотчас же собрать поисковую команду. И все же Пейнтер молча смотрел на экран, не в силах оторвать от него взгляд.

Это была панорама Восточного побережья Соединенных Штатов, заснятая в то мгновение, когда спутник огненным метеором входил в плотные слои атмосферы. Изображение было достаточно подробным, чтобы разобрать крупнейшие приморские мегаполисы.

Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон.

Все города лежали в дымящихся развалинах.

Глава 2

*17 ноября, 23 часа 58 минут
по пекинскому поясному времени
Макао, Китайская Народная Республика*

Охотясь за призраком, они пересекли половину земного шара.

Следуя за полуночной толпой, командер Грей Пирс сошел с парома на залитый ярким светом причал. Быстроходный катамаран совершил переход от Гонконга до полуострова Макао чуть больше чем за час. Стоя в очереди к паспортному контролю, Грей потянулся, разминая затекшую спину.

Туристы в большом количестве стекались на полуостров, чтобы принять участие в красочном фестивале Водяных фонарей, устроенном в честь появившейся в небе кометы. Сегодня ночью устраивались пышные празднования, в воды озер и рек запускали тысячи плавающих фонарей в качестве подношения духам умерших. Сотни огоньков качались даже на волнах вокруг причала, подобно россыпи светящихся цветов.

Стоявший в очереди впереди Грея сморщенный старик держал в руке плетенную из прутьев тростника клетку с живым гусем. И хозяин, и птица выглядели мрачными, что полностью соответствовало настроению Грея, измученного семнадцатичасовой дорогой.

– Почему эта утка все время пялится на меня? – недовольно проворчал Джо Ковальски.

– По-моему, это не просто утка, – ответил Грей.

Верзила Ковальски, одетый в джинсы и длинное пальто, был на голову выше Грея – то есть он возвышался над всеми вокруг. Кое-кто украдкой фотографировал американского гиганта с высеченным из камня лицом и коротким армейским «ежиком» на голове, словно случайно забредшего сюда Годзиллу³.

Грей повернулся к своему второму спутнику.

– Нам не приходится особенно рассчитывать на то, что наш человек сможет предложить нам что-либо существенное. Ты это понимаешь, не правда ли?

Сейхан пожала плечами, вроде бы равнодушно, однако даже по одной-единственной складке между бровей Грей почувствовал ее внутреннее напряжение. Они проделали столь долгий путь, чтобы лично переговорить с нужным человеком. Для Сейхан эта встреча была последней надеждой выяснить судьбу своей матери, которая бесследно исчезла двадцать два года назад, похищенная из собственного дома во Вьетнаме группой вооруженных людей. Сейхан тогда было девять лет. Долгое время она считала, что ее мать погибла, – до тех пор, пока четыре месяца назад не всплыла новая информация, позволяющая предположить, что мать до сих пор жива. «Сигме» пришлось задействовать все свои собственные ресурсы и связи в разведывательном сообществе, чтобы организовать поиски.

Скорее всего, это был очередной тупик, и тем не менее нужно было убедиться наверняка.

Впереди толпа рассеялась, и Сейхан наконец подошла к посту пограничного контроля. Она была в черных джинсах, высоких ботинках на шнуровке, свободной изумрудно-зеленой блузке в тон глазам и кашемировом жилете, чтобы защититься от ночной прохлады.

По крайней мере, Сейхан не бросалась в глаза здесь, где девяносто девять процентов народу имело азиатское происхождение. Однако поскольку в ее случае к азиатской крови при-мешивалась еще и европейская, результат получался более выразительным. Узкое лицо с высокими скулами казалось высеченным из бледного мрамора. Миндалевидные глаза сверкали

---

³ Годзилла – вымышленное доисторическое чудовище, действующее лицо многих фантастических боевиков, впервые появившееся на экране в 1954 году.

подобно полированному нефриту. Мягкими в ней были только иссиня-черные волосы, ниспадавшие свободными волнами.

Все это не укрылось от внимания пограничника.

Толстый офицер, чье дородное брюшко напирало на пуговицы форменного мундира, уселся прямее, когда Сейхан подошла к нему. Двигаясь с кошачьим изяществом, в равной мере наполненным силой и угрозой, молодая женщина спокойно посмотрела пограничнику в глаза, протягивая свой паспорт. Ее документы, как и документы Грея и Ковальски, были фальшивыми, но они уже прошли более строгий контроль на границе в Гонконге, куда все трое прилетели из Вашингтона.

Ни у Грея, ни у Ковальски, ни тем более у Сейхан не было ни малейшего желания раскрывать китайским властям свое настоящее имя. Грей и Ковальски были сотрудниками «Сигмы», секретного подразделения в составе УППОНИР, занимающегося оперативной работой, которое состояло из бывших бойцов сил специального назначения, дополнительно получивших образование в различных областях науки, для эффективного противодействия глобальному терроризму. Сейхан в прошлом была наемной убийцей, работавшей на международную преступную организацию, до тех пор пока сила обстоятельств не вынудила ее вступить в союз с «Сигмой». Однако формально она так и не стала сотрудницей подразделения, предпочитая оставаться в тени.

По крайней мере так обстояло дело до настоящего времени.

После того как Грей и Ковальски также прошли пограничный контроль, все трое покинули морской вокзал и подождали такси. Пока машина протискивалась к тротуару сквозь плотную толпу, Пирс разглядывал широкую полосу полуострова Макао и соседние острова. Вокруг сияло манящее море неона, гремела музыка, сквозь которую пробивались отголоски людского гомона.

Макао, бывшая португальская колония, превратился в «Город греха» на побережье южного Китая – мекку азартных игр, размерами доходов уже превзошедшую Лас-Вегас. Всего в нескольких шагах от вокзала паромной переправы возвышалась золотая башня «Сэндс-Макао», одного из крупнейших казино города. По слухам, строительство огромного комплекса, обошедшегося в триста миллионов долларов, окупилось меньше чем за год. Воротила игорного бизнеса продолжали стекаться в Макао, и новые казино росли как грибы после дождя. Общее их количество уже достигло тридцати трех, и это на город размерами в шесть раз меньше Вашингтона.

То, что происходит в Макао, остается в Макао.

И Грея такое положение дел полностью устраивало. Дожидаясь, когда такси доберется до них, он продолжал внимательно наблюдать за окружающей их толпой. Кто-то попытался отпихнуть его в сторону и завладеть машиной сам, но Грей железной рукой остановил нахала. Нагнув голову, Ковальски опустился на переднее сиденье, а Грей и Сейхан устроились сзади.

Подавшись вперед, молодая женщина быстро заговорила с водителем по-китайски. Через мгновение машина уже устремилась к месту назначения.

Откинувшись назад, Сейхан протянула Грею его бумажник. Тот изумленно уставился на свои деньги.

– Где ты его?..

– Тебя обчистил карманник. В здешних местах нужно держать ухо востро.

Сидевший впереди Ковальски громко рассмеялся.

Задумавшись, Пирс вспомнил человека, который пытался его оттолкнуть, чтобы завладеть такси. На самом деле это была лишь уловка с целью отвлечь его внимание, в то время как напарник облегал содержимое его карманов. К счастью, Сейхан также обладала определенными навыками, приобретенными на улицах, во многом похожих вот на эти.

После того как была похищена ее мать, Сейхан росла в убогих детских домах, разбросанных по всей Юго-Восточной Азии, до тех пор пока ее не забрали с улиц, чтобы обучить искусству убивать. На самом деле они с Греем впервые встретились, когда молодая женщина выстрелила ему в грудь – не самое теплое знакомство. И вот теперь, после разгрома преступного картеля, на который она работала, Сейхан снова осталась сиротой, плывущей по течению, не зная, на что опереться в этом новом мире.

Она была наемной убийцей, не имеющей корней. Даже Грей опасался, что она может в любую минуту исчезнуть и больше никогда не появиться. Хотя за последние четыре месяца они сблизились, работая бок о бок в поисках матери Сейхан, молодая женщина по-прежнему сохраняла между ними глухую стену, принимая дружбу Грея, его поддержку и один раз даже разделив с ним постель. В тот раз они просто заработались допоздна, и это был только вопрос удобства, ничего более. И все же Грей не мог заснуть, лежа рядом с Сейхан, слушая ее дыхание, глядя на то, как она подергивается во сне.

Она оставалась диким зверем, норовистым, хищным, осторожным. Если приближаться к ней слишком быстро, можно ее спугнуть, и тогда она убежит прочь.

Вот и сейчас Сейхан сидела в такси напряженная, натянутая, словно струна виолончели. Протянув руку, Грей обхватил ее за плечо, привлекая к себе. Он почувствовал, как сталь ее мышц постепенно смягчается. Не сопротивляясь, молодая женщина прильнула к нему. Одной рукой она рассеянно теребила маленький брелок на шее в виде крохотного серебряного дракона. Другая отыскивала руку Грея, палец скользнул по шраму на тыльной стороне запястья.

До тех пор пока Сейхан не найдет свое место в этом новом мире, рассчитывать на большее не приходилось. Грей чувствовал, чем подпитывалась энергия поисков ее матери, продолжавшихся уже четыре месяца. Для Сейхан это была возможность заново узнать себя, возродить связь с единственным человеком в мире, который любил и оберегал ее, восстановить потерянную семью. Лишь тогда, подозревал Грей, она сможет отвернуться от прошлого и заглянуть в будущее.

И он разделял эту цель, жаждал, чтобы Сейхан достигла ее, и готов был сделать все возможное, чтобы это произошло.

– Если этому типу хоть что-нибудь известно, – объявил Грей вслух, – мы из него это вытрясем.

0 часов 32 минуты

– Они уже в пути, – доложил звонивший. – На месте они будут через несколько минут.

– И ты убедился в том, Томаш, что это именно они?

Чжулон Дельгаду расхаживал вдоль своего письменного стола, сделанного из цельного куска цейлонского атласного дерева. Это дерево было очень редким и очень дорогим, что полностью отражало вкусы хозяина стола. Весь кабинет был заполнен антиквариатом, смесь португальского и китайского, как и сам Дельгаду.

– Мы предприняли попытку похитить документы у того из мужчин, который ниже ростом, – объяснил Томаш, – но вмешалась женщина. Каким-то образом ей удалось отобрать у нас его бумажник.

Определенно, мастерства в подобных делах ей не занимать.

Остановившись, Чжулон прикоснулся к одной из трех фотографий, лежавших на столе. Подобно ему самому, эта женщина представляла собой смесь европейской и азиатской культур, но только в ее случае это были французская и вьетнамская кровь.

Дельгаду увидел свое отражение, мелькнувшее на черном экране компьютерного монитора. Он носил фамилию своего отца, символизирующую португальское присутствие в Макао, которое уходило корнями к опиумным войнам начала девятнадцатого столетия. Но именем своим он был обязан материнской линии. Точно так же от отца ему достались круглые глаза

и обильная растительность на лице, а от матери – утонченные черты и гладкая кожа. Хотя ему было уже за сорок, многие давали ему на вид гораздо меньше. Другие ошибочно полагали, что его юношеские манеры поведения свидетельствуют о недостатке опыта, – и совершали еще более роковую ошибку, стремясь этим воспользоваться.

Подобные промахи допускались только один раз.

Чжулон переключил свое внимание на женщину на фотографии. Наемная убийца с богатым послужным списком – неудивительно, что за ее голову была назначена высокая награда. Пока что самой щедрой оказалась израильская спецслужба «Моссад», которая так оценила какие-то былые ее преступления. Дельгаду заверили в том, что ее убьют, заставят замолчать до того, как кому-либо станет известно об его причастности.

В этом заключался главный его талант: двигаться незаметно, действовать, оставаясь в стороне, использовать любую возможность.

Затем Чжулон изучил фотографию солдата, бывшего спецназовца. Загорелое лицо, серо-голубые глаза с морщинками от солнца в уголках, волевой подбородок, покрытый тенью черной щетины. Ставки на этого человека продолжали расти, особенно на протяжении последних двенадцати часов. Похоже, он нажил себе массу врагов – или же ему были известны какие-то важные тайны. Это не имело значения. Чжулона интересовала исключительно оплата. Пока что самую высокую цену предложил анонимный клиент из Сирии.

Третий мужчина с лицом гориллы, похоже, был простым телохранителем. Его нужно будет просто устранить с дороги, чтобы добраться до настоящей награды.

Но сперва Чжулону нужно было изолировать этих людей.

Проще всего было бы схватить их прямо в здании морского вокзала, однако подобное похищение у всех на глазах привлекло бы слишком большое внимание. После того как Макао в 1999 году перешел под юрисдикцию Китая, Чжулону приходилось действовать более скрытно. Однако были тут и свои положительные стороны: жесткие меры нового правительства очистили полуостров от большей части враждующих между собой преступных триад, избавив Чжулона от конкуренции и позволив ему упрочить власть своей собственной организации. Теперь, как босс Макао, как кое-кто его называл, он имел свою долю во всем, а китайское правительство по большей части закрывало глаза на его деятельность, довольное тем, что в делах царит строгий порядок, а чиновники еженедельно получают свою долю.

Макао богател, и вместе с ним богател Чжулон.

– Твои люди уже прибыли в казино «Лиссабон»? – спросил он Томаша, убеждаясь в том, что никаких ошибок не будет. – Они готовы встретить наших гостей?

– Sim, senhor⁴.

– Хорошо. Какое сопротивление вы ожидаете встретить?

– Огнестрельного оружия ни у кого из них нет. Однако мы подозреваем, что у всех троих есть при себе ножи. Но это не должно создать никаких проблем.

Чжулон удовлетворенно кивнул.

Закончив разговор по телефону, он бросил взгляд на плазменный экран, стоящий на старинном португальском морском сундуке. Люди Томаша заблаговременно подкупили одного из охранников казино «Лиссабон», чтобы тот предоставил доступ к системе внутреннего видеонаблюдения, в первую очередь к камере, установленной в одном из кабинетов люкс, расположенных отдельно от главного игрового зала. Подобных кабинетов в Макао было в изобилии; они обслуживали крупных игроков, желающих получить в свое распоряжение отдельный стол или собирающихся повеселиться в обществе элитных проституток.

Сейчас в этом кабинете находился всего один человек; он сидел на обтянутом красным шелком диване, дожидаясь гостей. В течение последних нескольких дней этот человек слиш-

---

⁴ Да, сеньор (*порт.*).

ком много говорил, рассказывая всем кому ни попадя об этой ночной встрече, делясь надеждами на скорое богатство. А как только пошли разговоры о недавно появившихся больших деньгах, причем нежданно свалившихся из-за границы, это известие достигло ушей Чжулона Дельгаду. И он быстро установил личности новоприбывших.

Там, где текут деньги, всегда можно получить прибыль.

Чжулон шагнул за письменный стол. Его родовой особняк выходил на площадь Леал-Сенаду, историческое колониальное сердце Макао, где на протяжении столетий проходили парадным строем португальские войска, а теперь по праздникам плясали китайские драконы. Вот и сегодня ночью все деревья были увешаны фонарями и клетками с певчими птицами. Напротив особняка в маленьком храме, посвященном умершим, в глиняных чашках горели свечи, призванные освещать дорогу душам, покинувшим свои тела.

Но самый большой огонь висел в небе, дрожащий и яркий: серебристое пламя кометы.

Удовлетворенный, Чжулон уселся в кресло и полностью обратил свое внимание на плазменный экран, готовый насладиться ночным развлечением в казино «Лиссабон».

0 часов 55 минут

Это был не тот Макао, который помнила Сейхан.

Выйдя из такси, молодая женщина огляделась по сторонам. Прошло уже больше пятнадцати лет с тех пор, как она в последний раз бывала здесь. По дороге из порта ей так и не удалось узнать тот сонный португальский городишко из прошлого, с узенькими улочками, особняками в колониальном стиле и вычурными площадями. Теперь все это скрывалось за уходящими ввысь стенами неона и сверкающего стекла. В прошлом даже казино «Лиссабон» представляло собой довольно убогое заведение, ничем не похожее на тот пышный подарочный торт, каким стало теперь, не говоря уж про самую последнюю редакцию, «Гранд-Лиссабон», позолоченную башню тысячу футов высотой в форме цветка лотоса.

Определенно, *не тот* Макао, который помнила Сейхан.

Единственным напоминанием о тех сонных временах были тысячи горящих фонарей, плавающих по водам озера Нам-Вань. На берегу курились благовония, наполнявшие мягкий ветерок с моря ароматами гвоздики, иллициума и сандалового дерева. Эта традиция почитать умерших уходила в прошлое на тысячи лет.

За долгие годы Сейхан сама пустила множество таких фонариков в память о своей матери.

Но, возможно, больше этого не будет.

Взглянув на часы, Грей тронул молодую женщину за плечо.

– У нас осталось всего пять минут. Похоже, мы опоздаем.

Они с Ковальски двинулись впереди, а Сейхан следовала за ними, отстав на шаг – не как покорная жена, а чтобы прикрывать их с тыла. Пусть Макао скрыл свое лицо за сиянием неоновых вывесок, но Сейхан знала, что, когда столько роскоши сосредоточено в таком малом пространстве, особенно в регионе, не привычном к подобному богатству, преступность и коррупция пускают глубокие корни. Она знала, что за глянцевым фасадом в темных переулках по-прежнему процветал старый Макао – место гангстерских разборок, торговли людьми и убийств.

Сейхан заметила стайку тайских проституток, толкущихся у входа, – пример сети коррупции, раскинувшейся из Макао по всему региону. Одна из них шагнула было к Грею, привлеченная его европейским лицом, намекающим на возможность неплохо заработать, но Сейхан перехватила взгляд ее накрашенных глаз, и девушка поспешно попятилась назад.

Все трое прошли под сияющими неоновыми лентами казино «Лиссабон» и вошли внутрь. Им в нос тотчас же ударило зловоние табачного дыма, от которого заслезились глаза и запер-

шило в горле. Висящее в воздухе сизое облако сгущало полумрак, придавая зловещий вид расположенному прямо впереди главному игровому залу.

Сейхан шла следом за Греем в это сердце темноты.

Здесь не было обильного сияния казино Лас-Вегаса. Это было игорное заведение старой школы, времен «Крысиной стаи»⁵. Низкий потолок, тусклое освещение. Звенели и мигали огнями игральные автоматы, однако им был отведен отдельный зал по соседству. Здесь же были только игровые столы: баккара, пай-гоу, сик-бо, фань-тань. Вокруг столов толпились мужчины с рябыми лицами и угрюмые женщины, непрерывно курящие, сжимающие в руках талисманы на удачу, привлеченные сюда не только азартом, но и надеждой. Над головой висели двенадцать стилизованных драконов, которые держали в своих лапах светящиеся шары, изменяющие цвет. К сожалению, два шара не горели, что говорило о недостатках обслуживающего персонала.

И тем не менее Сейхан поймала себя на том, что расслабилась, наслаждаясь беспощадной сущностью заведения, восхищаясь отсутствием притворства. Здесь она чувствовала себя в своей стихии.

– Лифты вон там, – сказал Грей, указывая на площадку слева.

Цель назначения находилась несколькими этажами выше, еще глубже в погруженных в полумрак закоулках комплекса, в лабиринте кабинетов люкс, где текло *истинное* богатство Макао. Количество столов, спрятанных здесь, в тиши укромных кабинетов, значительно превосходило то, каким мог похвастаться главный зал.

Войдя в кабину лифта, Грей нажал кнопку четвертого этажа. Кабинеты высшего уровня люкс обслуживались исключительно частными увеселительными компаниями, которые ублажали состоятельных клиентов, как только могли, удовлетворяя любые их прихоти. Даже подземный торговый центр выполнял роль места, где в ожидании клиентов также прогуливались проститутки, где можно было снять любую приглянувшуюся девушку.

Здесь вели дело двадцать компаний, в том числе несколько принадлежащих синдикатам организованной преступности, помимо всего прочего, занимающимся отмыванием денег. Подобная анонимность как нельзя лучше устраивала Грея и Сейхан. Они пришли сюда, выдавая себя за двух состоятельных игроков. Плата осведомителю пройдет через управляющую компанию, что позволит им сохранить свои руки чистыми. Стоявшая перед ними задача была предельно простой: получить информацию, расплатиться и уйти.

Кабина подняла их в холл, оформленный поблекшими потугами на роскошь, в красных и золотых тонах. Вдоль стен коридора тянулись двери, перед большинством из которых дежурили крепкие ребята.

Ковальски обвел их взглядом, словно раздраженный бык.

– Сюда, – сказала Сейхан, идя первой.

Теперь, когда стал виден конец, она спешила. Это была ее последняя надежда выяснить судьбу своей матери: все остальные ниточки оборвались, одна за другой. Молодая женщина старалась, как могла, скрыть свое волнение. На протяжении последних четырех месяцев она стремилась полностью сосредоточиться на занятиях, оставаясь сверхбдительной, стараясь не обращать внимания на комок в груди, сплетение надежды, отчаяния и страха. Вот почему она не подпускала Грея близко к себе, несмотря на его очевидное желание исследовать самые сокровенные глубины ее души. Сейхан боялась потерять контроль над собой.

Нужный им кабинет находился в самом конце коридора. Перед дверью стояли двое верзил с топорщащимися под мышками пиджаками – телохранители, предоставленные компанией, которая забронировала кабинет.

---

⁵ «Крысиная стая» – шутивное название группы видных голливудских актеров, объединившихся вокруг Хамфри Богарта, которые все вместе снялись в нескольких приключенческих фильмах и вестернах.

Подойдя к ним, Сейхан показала свои фальшивые документы. Грей и Ковальски последовали ее примеру.

Только после этого один из телохранителей, постучав в дверь, открыл ее, пропуская гостей внутрь. Стены были выкрашены золотистой краской, ковер украшали орнаменты из красных и черных геометрических фигур. Слева стоял одинокий столик для баккара, обтянутый зеленым сукном, а справа столпились стулья и кресла с обивкой из алого шелка. В кабинете находился всего один человек.

Доктор Хван Пак.

Именно его присутствием и объяснялись чрезвычайные меры предосторожности. Доктор Пак являлся ведущим специалистом Ядерного научно-исследовательского центра Йонбён в Северной Корее – где вырабатывался обогащенный уран для корейской атомной программы. Кроме того, у него была страсть к азартным играм, хотя об этом знали лишь считанные разведывательные ведомства.

Загасив сигарету, Хван Пак поднялся с дивана. Всего лишь на пару дюймов выше пяти футов, он был тощий как трость. Слегка поклонившись, доктор Пак устремил взгляд на Грея, словно почувствовав, кто здесь главный. На Сейхан, как на женщину, он даже не обратил внимания.

– Вы опоздали, – вежливо, но твердо заявил Хван Пак. Говорил он с едва заметным акцентом. Сунув руку в карман, достал сотовый телефон. – Вы купили один час моего времени. За восемьсот тысяч, как было условлено.

Сейхан скрестила руки на груди, предоставив Грею ввести код для перевода денег, полученный от устроительной компании.

– Сейчас – четыреста тысяч, – сказал Грей. – Остальное – когда я буду удовлетворен вашей информацией.

Цена была выражена в гонконгских долларах, что по обменному курсу составляло около восьмидесяти тысяч в американской валюте. Сейхан с радостью заплатила бы вдвое больше, только если бы этот человек действительно располагал какой-либо достоверной информацией о ее матери. А по мелькнувшему у Хван Пака в глазах отчаянию она догадалась, что корейский ученый довольствовался бы и гораздо меньшей суммой, чем ему было предложено. Ему нужно было заплатить весьма неприятные долги, и, вполне вероятно, даже тех денег, которые он должен был сейчас получить, ему могло на это не хватить.

– Вы не будете разочарованы, – сказал Хван Пак.

01 час 14 минут

Из своего кабинета в центре Макао Чжулон Дельгаду с улыбкой наблюдал за тем, как Хван Пак махнул рукой, приглашая своих гостей в обтянутые красным шелком кресла. Верзила задержался и, пройдя к столику для баккара, оперся о него задом, рассеянно барабанил пальцами по мягкому сукну.

Две дорогостоящие цели, женщина-убийца и бывший солдат, прошли следом за северо-корейским ученым и сели.

Чжулон пожалел о том, что не может подслушать их разговор – камера видеонаблюдения в «Лиссабоне» передавала только изображение.

А жаль.

Но это была мелкая досада по сравнению с ожидаемой наградой.

И Чжулону было прекрасно известно: «Все достается тому, кто умеет ждать».

01 час 17 минут

Сейхан предоставила Грею вести разговор с Хван Паком, почувствовав, что северо-корейский ученый будет полностью откровенен только с другим мужчиной.

Грязный женоненавистник...

– Итак, вы знаете ту женщину, которую мы разыскиваем? – начал Грей.

– Да, – кивнув, быстро подтвердил Хван Пак и, закулив новую сигарету, выпустил струю дыма. Было заметно, что он нервничает. – Ее зовут Гуань-инь, хотя, подозреваю, это не настоящее ее имя.

«Ты не ошибаешься, – подумала Сейхан. – По крайней мере, раньше ее звали по-другому».

На самом деле ее мать звали Май Фыонг Ли.

Внезапно у молодой женщины мелькнуло воспоминание, непрощенное, в настоящий момент нежелательное. Маленькая Сейхан лежит на животе рядом с небольшим прудом в саду, опускает палец в воду, стараясь приманить золотистого карпа, – затем рядом с ее отражением появляется отражение лица ее матери, дрожащее на подернутой рябью поверхности воды, окруженное плавающими опавшими лепестками цветов вишни.

По-вьетнамски – «май фыонг».

Цветы вишни.

Сейхан моргнула, заставляя себя вернуться в настоящее. Ее не удивило то, что ее мать взяла себе новое имя. Она скрывалась, пряталась. А новое имя давало новую жизнь.

Задействовав все ресурсы «Сигмы», Сейхан установила личности тех вооруженных людей, кто забрал ее мать. Это были сотрудники тайной полиции Вьетнама, лицемерно именовавшейся Министерством общественной безопасности. Они проводили об отношениях матери Сейхан с американским дипломатом, об их любви, плодом которой стала Сейхан. У них возник план выведать через него государственные тайны Соединенных Штатов.

Мать находилась в тюрьме на окраине Хошимина – но год спустя ей удалось бежать во время бунта заключенных. Какое-то время из-за ошибки канцелярских работников она считалась погибшей, убитой в ходе подавления бунта. Именно эта счастливая ошибка и позволила молодой женщине покинуть Вьетнам и затеряться в бескрайнем мире.

«Искала ли мать меня? – гадала Сейхан. – Или также считала, что меня нет в живых?»

У нее была целая тысяча вопросов без ответов.

– Гуань-инь, – продолжал Хван Пак. Его губы тронула легкая усмешка, приправленная горечью и издевкой. – Такое красивое имя определенно ей не шло... по крайней мере тогда, когда я познакомился с ней восемь лет назад.

– Что вы имеете в виду? – спросил Грей.

– «Гуань инь» переводится с китайского как «богиня милосердия». – Ученый-ядерщик поднял левую руку, показывая, что на ней всего четыре пальца. – Вот каким оказалось ее милосердие.

Подсев ближе, Сейхан впервые подала голос.

– Как вы познакомились с этой женщиной? – холодно спросила она.

Похоже, Хван Пак первоначально намеревался пропустить ее слова мимо ушей, но затем его глаза чуточку прищурились. Он пристально посмотрел на Сейхан, вероятно, впервые по-настоящему увидев ее. В его взгляде мелькнула подозрительность.

– Вы говорите так, словно... – запинаясь, выдавил он. – Как раз тогда... но это невозможно.

Грей подался вперед, привлекая к себе внимание ученого.

– Нам очень дорого обошелся этот час, доктор Пак. Повторяю вопрос дамы... как вы познакомились с Гуань-инь? При каких обстоятельствах?

Хван Пак разгладил лацканы пиджака, стараясь взять себя в руки. Лишь затем он заговорил.

– Когда-то она заправляла вот этим самым кабинетом, – сказал он, обводя взглядом роскошную обстановку. – Как «голова дракона» Коулуна, глава триады «Дуан чжи».

Помимо воли Сейхан вздрогнула, услышав это название.

Грей презрительно фыркнул.

– То есть вы хотите сказать, что Гуань-инь возглавляла китайскую триаду?

– Да, – резко подтвердил Хван Пак. – Гуань-инь единственная из женщин стала «головой дракона». Добилась она этого беспощадной жестокостью. Мне не следовало брать у нее в долг.

Он почесал обрубок пальца.

Это движение не укрылось от Грея.

– Она приказала отрезать вам палец?

– Нет, – поправил Хван Пак. – Она сделала это *сама*. Приехала из Коулуна с молотком и долотом. В переводе название ее триады означает «сломанная ветвь». У Гуань-инь это также фирменный знак, подстегивающий расплатиться с долгом.

Грей поморщился, мысленно представив себе это кровавое истязание.

Сейхан приходилось не легче. Учащенно дыша, она пыталась сопоставить подобную жестокость с той матерью, которая когда-то выхаживала голубя, сломавшего крыло. Но она чувствовала, что этот человек не лжет.

Однако Грея мучили сомнения.

– И как узнать, что эта женщина, возглавлявшая триаду, та самая, кого мы ищем? Какие доказательства вы можете представить? У вас с собой есть ее фотография?

В свой запрос, распространенный по всему миру, «Сигма» включила фотографию матери Сейхан, взятую из архивов вьетнамской тюрьмы, в которой та содержалась. Также был приложен перечень вероятных мест нахождения, к несчастью, охватывающий значительную часть Юго-Восточной Азии, а также составленное компьютером изображение того, как эта женщина может выглядеть сейчас, по прошествии двадцати лет.

Доктор Хван Пак оказался единственной рыбой, клюнувшей на эту наживку.

– Фотография? – Северокорейский ученый покачал головой. Он закурил еще одну сигарету, демонстрируя болезненное пристрастие к никотину. – Эта женщина никогда не показывается на людях. Только верхушка ее триады видела ее лицо. Если же ее случайно увидит кто-либо посторонний, он проживет после этого столько, что не успеет ничего никому рассказать.

– В таком случае как вы?..

Хван Пак потрогал себя за шею.

– По дракону. Я увидел его, когда она размахивала молотком... сверкая серебром, он болтался у нее на шее, такой же безжалостный, как и его обладательница.

– Вот такой?

Скользнув пальцем к воротнику, Сейхан достала свой собственный брелок в виде свернувшегося кольцом дракона. Фотография брелока имела в досье «Сигмы». Талисман Сейхан был точной копией того, что носила ее мать. Образ оригинала запечатлелся в ее памяти, частенько всплывая в сновидениях.

...Она лежит, свернувшись в объятиях матери, на маленькой койке под раскрытым окном, поют ночные птицы, лунный свет отражается от серебряного дракона у матери на шее, дрожа как рябь на воде при каждом дыхании...

У Хван Пака воспоминания были другие. Он отпрянул назад от брелока, словно стараясь укрыться от этого зрелища.

– Полагаю, таких брошей в виде дракона множество, – заметил Грей. – То, что вы нам представили, *нельзя* считать доказательством, – одно только ваше слово о некоем ювелирном украшении, которое вы видели восемь лет назад.

– Если вам нужны настоящие доказательства...

Сейхан не дала ему договорить, поднявшись с места и убрав дракона; знаком она предложила Грею переговоры наедине.

Когда они отошли за столик для игры в баккара, Сейхан склонилась к уху Грея. Ковальски загоразживал их своей внушительной тушей.

– Он говорит правду, – сказала Сейхан. – Нам нужно двигаться дальше и установить, где именно в Коулуне находится моя мать.

– Сейхан, понимаю, тебе хочется поверить ему, но предоставь мне...

Она схватила его за руку, не давая закончить.

– Название триады. «Дуан чжи».

Прочтя что-то у нее на лице, Грей молчал, давая ей высказаться.

Сейхан почувствовала, как у нее наворачиваются слезы, рожденные радостью и горем там, где в джунглях по-прежнему поют ночные птицы.

– Название... «сломанная ветвь», – продолжала Сейхан. Только произнеся вслух эти слова, она почувствовала, как у нее внутри что-то сломалось.

Грей ждал, ничего не понимая, но не собираясь ее торопить.

– Мое имя, – запинаясь, заговорила наконец Сейхан, внезапно почувствовав себя совершенно незащитной, – то, которое дала мне мать... от которого я отказалась, вынужденная похоронить в прошлом свое детство... мое имя было Чи.

Новое имя позволило начать новую жизнь.

Грей широко раскрыл глаза.

– На самом деле твое имя Чи?

– Было Чи, – упрямо стояла на своем Сейхан.

Та девочка давно умерла.

Сейхан медленно сделала вдох и выдох, стараясь совладать с собой.

– По-вьетнамски «чи» означает «ветка».

На лице Грея она прочитала понимание.

Ее мать назвала триаду в честь своей пропавшей дочери.

Прежде чем Грей успел ответить, из-за закрытой двери раздался резкий кашель – однако звук этот издало не человеческое горло. В коридоре на пол с глухим стуком упали тела, скошенные шквалом пуль, выпущенных из оружия с глушителем.

Грей уже был готов встретить опасность лицом к лицу. Ковальски поспешил к нему на помощь.

Из противоположного угла донесся спокойный голос Хван Пака.

– Вы просили доказательства? – Он указал на дверь дымящейся сигаретой. – Вот и они!

Сейхан тотчас же поняла, что сделал северокорейский ученый. Ей следовало догадаться раньше, учитывая то, что они сейчас слышали. Она мысленно обругала себя последними словами. В прошлом ее никогда не заставляли вот так вот врасплох. Работа в «Сигме» расслабила ее.

Хван Пак попятился от двери, однако, похоже, происходящее его несколько не испугало. Это была его игра, награда за которую должна была многократно превзойти то, что обещал ему Грей, – возможно, она даже позволит ему расплатиться со *всеми* долгами. Это было тонко рассчитанное предательство: ублюдок обернул все в свою пользу, продал своих гостей триаде матери Сейхан, передав предостережение женщине, которая так тщательно скрывала свое лицо от всего мира.

Эта женщина безжалостно расправится с любым, кто только приблизится к тайне.

Сейхан понимала это.

Она сама поступила бы так же.

Для того чтобы остаться в живых, все средства хороши.

01 час 44 минуты

Чжулон Дельгаду не так быстро догадался, что означает такое внезапное развитие событий в казино «Лиссабон». Вскочив на ноги, он схватил сотовый телефон.

На плазменном экране было видно, как трое иностранцев отреагировали на какое-то смятение за дверью кабинета. Мужчины опрокинули стол набок, укрываясь за ним как за щитом. Находившийся в противоположном конце помещения северокорейский ученый, похоже, остался спокоен. Но даже он отступил в дальний угол, подальше от опасности.

Ткнув большим пальцем кнопку быстрого набора номера, Чжулон связался с находящимся в «Лиссабоне» Томашем. Ранее он распорядился, чтобы его команда *не начинала* действовать до тех пор, пока не уйдет доктор Пак. Меньше всего ему были нужны проблемы с Северной Кореей. У него имелись весьма выгодные связи с правительственными чиновниками этой страны, которым он помогал нелегально переправлять таких влиятельных персон, как Хван Пак, в Макао и обратно. Больше того, Чжулон сам побывал в Пхеньяне, чтобы поддержать и укрепить эти связи.

Как только соединение было установлено, послышался голос Томаша, тяжело дышащего, словно после долгого бега.

– Сеньор, мы также видели это, по системе внутреннего видеонаблюдения. Перестрелка. Сейчас я направляюсь туда. Кто-то совершил нападение на этот самый кабинет люкс.

Чжулон ощутил укол справедливого негодования. Неужели кто-то вздумал отобрать у него товар? Или какой-то неудовлетворенный заказчик решил обойти аукцион и предпринять прямой подход?

Но Томаш прервал его рассуждения.

– Мы считаем, это дело рук одной из триад.

Чжулон стиснул кулак.

Проклятые китайские собаки...

Судя по всему, где-то произошла утечка, и его план стал известен чужим ушам.

– Сеньор, как нам действовать? Отступить или продолжать все по плану?

У Чжулона не было выбора. Если он сейчас не ответит в полную силу, триады сочтут это проявлением слабости, и тогда ему придется долгие годы вести войны за передел сфер влияния. Допустить такое нельзя. Его организации придется заплатить слишком высокую цену, при этом сам он упадет в глазах китайских чиновников, заправляющих в Макао.

Нужно идти на крайние меры.

– Перекройте «Лиссабон», – приказал Чжулон, собираясь преподать наглецам хороший урок. – Вызовите дополнительных людей. Всех тех, кто будет обнаружен в казино, про кого достоверно известно, что они принадлежат к триадам, прикончить на месте. Всех *предполагаемых* сообщников – тех, кто помог им проникнуть в казино или просто знал о намеченном ударе, – также убить.

– А как насчет целей?

Чжулон взвесил все плюсы и минусы. Хотя эти двое могли принести значительную прибыль, их смерть явится важным уроком. Это продемонстрирует готовность его, Чжулона, пожертвовать прибылью, ради того чтобы сохранить свое положение и власть. А для китайцев честь и сохранение лица важны так же, как воздух.

Дав гневу утихнуть, Чжулон смирился с реальностью. Что сделано, то сделано. К тому же за два трупа тоже можно будет выручить кругленькую сумму. Небольшая прибыль лучше, чем вообще никакой прибыли.

– Убейте их, – приказал Чжулон. – Убейте всех.

Глава 3

*17 ноября, 09 часов 46 минут
по тихоокеанскому поясному времени
Авиабаза Лос-Анджелес
Эль-Сегундо, штат Калифорния*

В Ракетно-космическом центре царил хаос.

Прошло уже около двух часов с тех пор, как на огромный монитор было выведено изображение сожженных дотла городов Восточного побережья, переданное умирающим спутником. Тотчас же командование базы убедилось в том, что Нью-Йорк, Бостон и Вашингтон целы и невредимы. Жизнь там продолжалась своим чередом.

Наступившее облегчение было буквально осязаемым на ощупь. И реакция Пейнтера не стала тут исключением. У него было множество друзей и коллег по всему Северо-Востоку. Тем не менее, он был рад, что его невеста в настоящее время находилась в Нью-Мексико. У него перед глазами возникло лицо Лизы, обрамленное длинными светлыми волосами, с искрометной улыбкой, от которой у Пейнтера неизменно начинало чаще биться сердце. Если с Лизой что-нибудь случится...

Но, в конце концов, похоже, на Востоке все было в порядке.

Так какого черта спутник показал там сплошные разрушения?

Это был главный вопрос последних двух часов. Выдвигались самые разные теории. *Не является ли это изображение экстраполяцией? Результатом компьютерного моделирования ядерного удара?* Но все специалисты в один голос утверждали, что подобные расчеты выходили за рамки программного обеспечения, заложенного в спутник.

Так что же произошло?

Пейнтер и доктор Шоу стояли перед огромными мониторами, вместе с инженерами и армейскими шишками.

Перед ними на экране светилось изображение острова Манхэттен. Рядом с монитором стоял молодой техник с лазерной указкой в руке. Он направил светящуюся точку на середину острова.

– Вот изображение, полученное со спутника НАСА в то самое время, когда ИГЭ-1 сгорал, проносясь над Восточным побережьем. На нем можно различить сеть улиц, пруды в Центральном парке. А вот снимок этого же места, переданный ИГЭ-1.

Он нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и рядом с первой картинкой появилась другая. Новое изображение представляло собой фрагмент увеличенного снимка, полученного с падающего спутника, соответствующий той же самой части Манхэттена.

– Если мы наложим одно изображение на другое...

Техник подкрепил свои слова действиями, совместив на экране обе картинки. Сквозь пелену дыма и огня сетки улиц полностью совпали. Даже очертания прудов Центрального парка оказались абсолютно идентичными.

По залу пробежал гул голосов.

Шагнув вперед, доктор Шоу внимательно посмотрела на экран и недовольно нахмурилась.

– Как вы видите, – продолжал техник, – это действительно Нью-Йорк, а не какой-нибудь похожий город. Изображенные на снимке разрушения – это не случайный цифровой шум, якобы *представивший* все так, будто Восточное побережье пылает. Только не на таком подробном уровне.

В подтверждение своих слов техник увеличил ключевые точки острова. Хотя изображение стало зернистым, Манхэттен действительно был прорисован в мельчайших деталях. Вот

только «Эмпайр-стейт-билдинг» представлял собой пылающий факел, от финансового района остались обугленные руины, а мост Куинсборо превратился в сплетение изуродованных стальных балок. В целом изображение напоминало созданный компьютером фон для фильма-катастрофы.

Бостону и Вашингтону досталось не меньше.

Присутствующие начали задавать вопросы, но доктор Шоу лишь подошла ближе и, положив руку на подбородок, уставилась на два изображения, снова отделенные друг от друга.

Генерал Меткалф, стоявший в нескольких ярдах от Пейнтера, раздраженно окликнул его.
– Директор Кроу, уделите мне минутку.

Пейнтер подошел к своему боссу, остановившемуся перед картой мира.

– Это самые свежие и самые точные телеметрические данные, – сказал Меткалф, указывая на траекторию падающего спутника, наложенную на карту. – Столкновение с поверхностью предположительно произошло вот здесь, в пустынной области на севере Монголии. Как видите, это недалеко от границ с Россией и Китаем. Пока что ни одна из этих стран ничего не заявила о падении спутника.

– Что насчет очевидцев на месте?

Генерал покачал головой.

– Эта местность гористая и безлюдная. Там живут только кочевники-скотоводы.

Пейнтер все понял.

– В таком случае у нас есть маленькое окно, чтобы попасть туда первыми и отыскать обгоревшие останки спутника, прежде чем русские и китайцы признают о нем.

– Совершенно верно.

Пейнтер бросил взгляд на второй экран. Никто не мог понять, что именно породило такое жуткое изображение, но все понимали, что ответы нужно искать среди обломков «Глаза Бога». Кроме того, надо было проследить за тем, чтобы новейшие технологии, использованные в спутнике, не попали в руки иностранным державам.

– Капитан Кэт Брайант в штабе «Сигмы» уже занимается подготовкой поисковой операции.

– Очень хорошо. Я хочу, чтобы вы немедленно вылетели в Вашингтон. Специальный самолет уже заправляется горючим. Это ваша первоочередная задача. Разыщите обломки и обеспечьте, чтобы они не попали в чужие руки.

Меткалф повернулся к Пейнтеру спиной, показывая, что разговор окончен.

Поодаль доктор Шоу о чем-то разговаривала с техником. Тот кивал, оглядываясь на экран, затем застыл с выражением ужаса на лице.

Это еще что такое?

Оставив доктора Шоу, техник поспешил к консоли управления, на ходу подзывая к себе инженеров.

Охваченный любопытством, Пейнтер подошел к Джаде, продолжавшей изучать экран.

– Я по-прежнему утверждаю, что это комета, – сказала та, заметив его.

Пейнтер уже слышал ее версию случившегося.

– Доктор Шоу, вы считаете, что все это – последствия темной энергии?

– Зовите меня Джадой. Да, судя по последней информации со спутника, геодезический эффект зарегистрировал смещение на 5,4 градуса.

По возбужденному блеску глаз молодой женщины Пейнтер догадался, что эта цифра должна произвести на него впечатление. Однако этого не случилось.

– Что именно это означает? – спросил он.

Доктор Шоу обреченно вздохнула. На протяжении двух последних часов она спорила с командованием базы, добиваясь того, чтобы ее выслушали, и, судя по всему, терпение у нее было уже на исходе.

– Представьте себе шар для боулинга, лежащий на узкой полоске трамплина, – сказала она. – Масса шара образует на поверхности трамплина вмятину. То же самое делает Земля с пространством вокруг себя. Искривляет пространство и время. Это доказано теоретически и экспериментально, и геодезический эффект является линейкой для измерения искривления. Поэтому если данные говорят о смещении, это свидетельствует о *складке* пространственно-временного континуума. Согласно моей теории, такое могло произойти, если ИГЭ-1 получил извне заряд темной энергии. Но я никак не ожидала, что складка окажется настолько *глубокой*.

У нее самой на лбу появилась тревожная складка.

– Значит, этим вы так обеспокоены? – спросил Пейнтер.

– В лучшем случае я рассчитывала зафиксировать лишь едва заметное возмущение геодезического эффекта. Не более одной десятой процента, и очень кратковременное, в пределах нескольких наносекунд. Но смещение больше чем на пять процентов, продолжавшееся почти целую минуту... – Она покачала головой.

– Вы уже выдвигали предположение, что мощный выброс темной энергии мог образовать маленькую дыру в пространственно-временном континууме, возможно, на короткое время открыв окно в альтернативную Вселенную, параллельную нашей собственной, ту, в которой Восточное побережье оказалось разоренным.

Доктор Шоу не отрывалась от экрана.

– А может быть, мы заглянули в свое будущее.

Это было очень страшное предположение, и до сих пор она еще не высказывала его.

– Время не является линейной функцией, – продолжала астрофизик, словно мысленно просчитывая какую-то гипотезу. – На самом деле время – еще одно измерение. Такое же, как вверх-вниз и влево-вправо. На течение времени также могут влиять гравитация или скорость. Поэтому когда пространственно-временной континуум рвется или морщится складками, это может привести к тому, что время совершит скачок, подобно тому, как перескакивает на соседнюю дорожку иголка проигрывателя, наткнувшись на царапину на поверхности виниловой грампластинки.

Страх в ее глазах вспыхнул еще ярче.

Пейнтер попытался рассеять охватившую ее панику.

– С чего это, молодежь, вы до сих пор слушаете грампластинки?

Доктор Шоу повернулась к нему лицом. На какое-то мгновение негодование вытеснило тревогу.

– Просто чтобы вы знали – у меня дома редчайшее собрание джазовых пластинок, одно из лучших в мире. Би-Би Кинг, Джон Ли Хукер, Майлз Дэвис, Ганс Кёллер⁶...

– Ну, хорошо, – примирительно поднял ладонь Пейнтер.

– Со старым винилом ничто не сравнится, – в праведном гневе закончила молодая женщина.

Пейнтер не стал с ней спорить.

От новой тирады его избавил возвратившийся техник.

– Вы были правы, – обратился техник к доктору Шоу. Похоже, его страх еще больше усилился.

– Правы в чем? – спросил Пейнтер.

– Покажите мне, – нетерпеливо сказала доктор Шоу, не обращая на него внимания.

Подойдя к экрану, техник снова вывел на него изображение со спутника НАСА и наложил его на картинку, полученную с ИГЭ-1. Затем подвигал изображения из стороны в сторону.

---

⁶ Первые двое музыкантов являются представителями не джаза, а блюза.

– Как вы и предполагали, тени не совпадают. Не только на этом снимке; мы проверили несколько точек в Бостоне и зафиксировали ту же самую аномалию. – Техник указал на группу инженеров и специалистов, столпившихся перед консолью. – Мы изучаем различные места вдоль Восточного побережья и пытаемся рассчитать степень расхождения.

– Нам нужны расчеты разницы во времени, – кивнув, добавила доктор Шоу.

– Мы как раз над этим работаем.

Пейнтер по-прежнему ничего не понимал.

– В чем дело?

Джада указала на огромный экран.

– Тени на двух снимках не совпадают. Они чуть сдвинуты друг относительно друга.

– И что это означает?

– Поскольку оба снимка были сделаны в одно и то же время, тени *должны* совпадать. Все равно как два сделанных одновременно снимка солнечных часов. – Обернувшись, она пристально посмотрела на него. – Однако тени не совпадают. Они не совмещаются, следовательно...

– Следовательно, два снимка были сделаны при разном положении солнца на небе.

Ощущение ужаса, ползущее по спине Пейнтера, еще больше усилилось.

Доктор Шоу шумно вздохнула, давая выход переполняющему ее беспокойству.

– «Глаз Бога» сфотографировал Манхэттен в какой-то другой момент времени, не в тот, какой зарегистрировали наши часы.

Пейнтер отчетливо представил себе иголку проигрывателя, скользящую по царапине на поверхности грампластинок.

– Сейчас техники пытаются установить, какие *дата и время* соответствуют положению солнца на небе, зафиксированному на снимке со спутника. С этой целью проводится триангуляция различных точек на Восточном побережье.

К этому времени оживление группы перед консолью привлекло к ней и остальных специалистов центра.

Наконец главный специалист выпрямился и посмотрел на доктора Шоу.

– Разница восемьдесят восемь... – Кто-то дернул его за рукав. Техник склонился к экрану, затем снова поднял взгляд. – Пусть будет *девятью* часов от настоящего момента.

Меньше четырех суток.

К Пейнтеру подошел генерал Меткалф.

– Это еще что такое?

Бросив взгляд на лицо Джады, Кроу увидел на нем крепнущую уверенность.

– Это изображение. – Он кивнул на снимок разрушенного Манхэттена. – Это не сбой. Так будет выглядеть мир через четыре дня.

18 часов 54 минуты

по центральноевропейскому времени

Рим, Италия

Рейчел Вероне снилось, что она тонет. Ее разбудил громкий телефонный звонок. Усевшись, молодая женщина судорожно вздохнула, стряхивая с себя кошмарный сон. Ей потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что она не у себя дома, а в кабинете дяди Вигора, на мягком диване. Она задремала, читая текст святого Фомы.

В воздухе все еще висел запах чеснока и соуса с базиликом, оставшийся от обеда, взятого навынос в ближайшем ресторане. На письменном столе Вигора лежали пустые картонные коробки.

– Ты можешь взять трубку? – спросил дядя.

Водрузив на переносицу очки, он сидел, склонившись над древним черепом. В руке у него был кронциркуль, которым он измерял длину носовой кости. Закончив измерения, Вигор записал результат на листе миллиметровой бумаги.

Телефон продолжал настойчиво звонить. Сбросив ноги на пол, Рейчел подошла к столу и посмотрела в окошко-бойницу на узкий серп полумесяца, подчеркнутый длинной дугой хвоста кометы.

– Уже поздно, дядя Вигор. Можно будет закончить работу завтра.

Тот недовольно махнул кронциркулем.

– Я сплю всего несколько часов в день. А когда вот так тихо, мне лучше работается.

Рейчел сняла с трезвонившего аппарата трубку.

– Pronto⁷.

– Sono Bruno Conti, – устало произнес мужской голос, – *dottore di ricerca da Centro Studi Microcitemia*⁸.

– Дядя Вигор, – прикрыв трубку ладонью, сказала Рейчел, – это доктор Конти из лаборатории исследования ДНК.

Вигор замахал рукой, требуя трубку.

– Много же им потребовалось времени.

Пока дядя быстро говорил о чем-то с исследователем-генетиком, Рейчел разглядывала череп. Увидев полустертые письма на макушке, указывающие судьбоносную дату, она поняла, в чем причина нетерпения Вигора. Конец света предсказывали испокон веков – начиная с древних майя с их пророческим календарем и кончая паникерами, испугавшимися начала нового тысячелетия в 2000 году.

Но чем этот раз отличается от всех предыдущих?

Голос Вигора стал более разгоряченным, затем дядя быстро положил трубку. Только сейчас Рейчел обратила внимание на темные круги у него под глазами.

– Что сказали в лаборатории? – спросила она.

– Там подтвердили мои оценки возраста черепа и книги.

Он указал на Евангелие от Фомы, переплетенное в человеческую кожу. В сотый раз Рейчел захотелось узнать, зачем кому-то понадобилось это делать. Да, в свое время книга считалась ересью. В ней отрицалось, что религиозная ортодоксальность является единственным путем к спасению, и параллельно утверждалось то, что в любом человеке есть путь к Богу, и достаточно только открыть глаза и идти по нему.

*Ищите, и найдете*⁹.

И все же, ересь или нет, зачем переплетать такую книгу в человеческую кожу?

– Так каков же возраст книги и черепа? – спросила Рейчел.

– В лаборатории их отнесли к тринадцатому веку.

– То есть никак не к *третьему*, на что намекает арамейское письмо? Следовательно, это не может быть подлинный иудейский талисман, подобный тем, какие в прошлом находили археологи.

– Не может. Как я и предполагал. По всей вероятности, это *копия*, снятая с оригинала. На самом деле сам череп принадлежал не *еврею*.

– Откуда вам это известно?

Вигор жестом пригласил племянницу подойти ближе.

– Пока ты спала, я изучал структуру черепа и конформационную анатомию. Перво-наперво, череп мезокранический.

---

⁷ Слушаю (*итал.*).

⁸ Говорит доктор Бруно Конти, из Центра исследования микроцитоза (*итал.*).

⁹ Мф. 7:7.

– То есть?

– Он широкий, при средней высоте. Кроме того, обрати внимание, что кости скул толстые, глазницы округлые, а носовые кости плоские и широкие. – Взяв череп, Вигор перевернул его. – И посмотри на зубы. Резцы острые, словно заступы, чего никак нельзя сказать про средиземноморские народы.

– В таком случае, откуда же этот череп?

Повернувшись к племяннице, пожилой прелат постучал кронциркулем по своим записям.

– На основании измерений различных параметров – расстояния между глазницами, глубины предносовой кости, степени прогнатии¹⁰ – я бы сделал вывод, что это череп уроженца Восточной Азии, кого в прошлом называли монголоидами.

Рейчел с уважением посмотрела на своего дядю, в который раз убеждаясь в том, что он не просто священник.

– То есть этот череп попал сюда откуда-то с Дальнего Востока?

– Как и книга, – добавил Вигор.

– Книга?

Вигор посмотрел на племянницу поверх очков.

– Мне казалось, ты слышала мой разговор с доктором Конти.

Рейчел покачала головой.

Монсеньор положил ладонь на сморщенную кожу переплета с жутким зашитым глазом.

– Если верить данным доктора Конти, кожа переплета и череп обладают идентичным набором ДНК. Они имеют *одно и то же* происхождение.

До Рейчел не сразу дошел истинный смысл слов дяди. Она сглотнула подкативший к горлу клубок желчи.

Тот, кто изготовил эти талисманы, использовал одно и то же тело. Кожа пошла на переплет, а из черепа была сделана вот эта реликвия.

– Я попросил лабораторию на основании аутосомных и митохондриальных ДНК определить расовую принадлежность, и тогда, возможно, удастся сузить круг источников происхождения этих реликвий, – продолжал Вигор. – Брат Иосип послал мне их с каким-то умыслом. Времени у нас в обрез. Иосип знал, что я смогу помочь, поскольку у меня есть доступ к ресурсам, которые для него закрыты.

– Таким, как лаборатория анализа ДНК.

Вигор молча кивнул.

– Тогда почему брат Иосип просто не написал вам письмо?

– Кто сказал, что не написал? – хитро подмигнул прелат.

Услышав это откровение, Рейчел нахмурилась.

– В таком случае, почему вы мне ничего не сказали?..

– Я сам обнаружил это всего четверть часа назад. Когда изучал череп. Я хотел закончить измерения, а тебе нужно было поспать. Затем раздался звонок, и мое внимание переключилось на новости из лаборатории.

Рейчел посмотрела на череп.

– Покажите.

Перевернув череп, Вигор указал отверстие, в которое входит спинной мозг. Включив крошечный фонарик, он посветил внутрь.

– Где еще можно спрятать тайное послание?

Придвинувшись ближе, Рейчел склонилась, заглядывая в череп. На внутренней поверхности алела капля воска, подобная печати на папской грамоте. На воске были аккуратно

---

¹⁰ Прогнатия – выступание нижней челюсти вперед.

вырезаны крошечными буквами латинские слова. Рейчел мысленно представила себе, как отец Иосип выводит каждую буковку, орудуя каким-то остроконечным инструментом на длинной ручке через узкое отверстие в основании черепа.

К чему подобная предосторожность? У этого человека мания преследования?

Молодая женщина вчиталась в послание.

– «Помоги. Приди к Аральскому морю», – перевела она вслух с латыни.

Рейчел нахмурилась. Аральское море затерялось в Средней Азии, на границе Казахстана и Узбекистана. Это пустынные, безлюдные места. Она также вспомнила, что ее дядя по морфологическим признакам определил, что череп принадлежит уроженцу *Восточной Азии*. А что, если брат Иосип пришел к такому же выводу? И расовые признаки реликвий заставили его

покинуть Венгрию и уехать на Восток, чтобы продолжить поиски там? Но если это действительно так, что он ищет и почему такая скрытность?

Прищурившись, Рейчел также разглядела под латинской надписью цепочки крошечных арабских цифр.

Вигор правильно определил, что привлекло внимание его племянницы.

– Указания долготы и широты.

– Чтобы точно определить какое-то ключевое место. – Молодой женщине не удалось скрыть недоверие, прозвучавшее в ее голосе. – Брат Иосип хочет, чтобы вы встретились с ним именно там?

– Похоже на то.

Рейчел нахмурилась. Ей не хотелось, чтобы ее дядя отправлялся куда-то к черту на рога на основании лишь какого-то загадочного послания священника-скитальца, исчезнувшего почти десять лет назад.

Вигор поставил череп на стол.

– Я отправляюсь в путь на рассвете. Нужно будет успеть на первый самолет до Казахстана.

Слова дяди вызвали недовольство Рейчел, однако по долгому опыту она знала, что переубедить его невозможно. Она остановилась на компромиссе.

– Без меня вы никуда не поедете. А у меня как раз остался неотгуленный отпуск. Так что никакие отговорки не принимаются.

Вигор улыбнулся.

– Я надеялся услышать от тебя эти слова. Больше того, я тут подумал, не связаться ли нам с директором Кроу; быть может, он выделит нам какую-либо помощь на месте.

– Вы хотите привлечь «Сигму»? И только из-за какой-то надписи, сделанной в тринадцатом веке на черепе, предсказывающей конец света?

При мысли об этом Рейчел закатила глаза. В прошлом они с дядей уже контактировали с «Сигмой», и молодая женщина определенно не имела ничего против того, чтобы снова встретиться с командером Пирсом. Вот уже несколько лет они то сходились, то расходились, и в конце концов их отношения переросли просто во взаимную дружбу. Что временами приносило свои преимущества. Но оба понимали, что эта связь, разделенная большими расстояниями, долго не продлится. И все же... Рейчел еще на мгновение задержалась на этой мысли, затем прогнала ее. Нет смысла беспокоить научных и военных экспертов «Сигмы» подобными пустяками.

– На мой взгляд, нам пришлось бы кстати опыт и знания «Сигмы», – настаивал Вигор. – К тому же мне кажется, что время поджидает.

Словно в доказательство, послышался звон разбитого стекла. Осколки дождем хлынули на пол. Какой-то предмет, отразившись от каменной амбразуры узкого окна, отлетел в дальний угол кабинета.

Вигор вздрогнул от резкого звука. Рейчел, прошедшая специальную подготовку, уже пришла в движение. Обхватив дядю за талию, она увлекла его прочь от разбитого окна, в противоположный конец помещения.

Повалив прелата на пол за письменный стол, Рейчел прикрыла его своим телом, – и в это мгновение граната взорвалась с оглушительным грохотом, извергая густой дым.

10 часов 48 минут

по тихоокеанскому поясному времени

В воздухе над Калифорнией

Вольготно раскинувшиеся кварталы Лос-Анджелеса скрылись под крылом самолета, который, набрав высоту, начал перелет через всю страну в Вашингтон. Пейнтер попросил пилота не жалеть горючее, разгоняя «Бомбардье Глобал-5000» до предельной скорости. Рос-

кошъ салона, оснащенного полноценным баром и кожаными креслами, никак не вязалась с новейшими двигателями, способными развить скорость 590 миль в час.

Пейнтер намеревался в ходе этого полета проверить утверждение завода-изготовителя, поскольку менее чем через четыре дня Восточное побережье могло быть сожжено дотла.

Так это или не так, генерал Меткалф приказал Пейнтеру на время забыть о подобных загадках, поручив ему задачу более практического характера: поиски разбившегося спутника ИГЭ-1. Слова генерала все еще звучали у Пейнтера в ушах.

«Разыщите обломки спутника. Это остается вашей первоочередной задачей. А я в качестве дополнительной меры предосторожности начинаю оценку опасности для Восточного побережья».

В этом спектакле у каждого была своя роль.

Самолет развернулся, покидая воздушное пространство Лос-Анджелеса. На синем небе сияла комета, настолько яркая, что ее было видно при свете дня. Ночью ее след простирался по всему небосводу, такой отчетливый, что можно было различить искры в хвосте, отчего комета казалась живым существом. Ожидалось, что она, медленно проходя над Землей, будет сиять на небе почти целый месяц.

Сидевшая в соседнем кресле молодая женщина поймала на себе взгляд Пейнтера. Помимо него самого, она была единственным пассажиром на борту самолета. В руке у нее позвякивал кубиками льда стакан с кока-колой.

Джада Шоу изложила генералу Меткалфу свою теорию о том, что из-за искривления пространственно-временного континуума время совершило скачок. Ее теория объясняла тени на фотографии, говорившие о том, что это, возможно, мгновенный взгляд в будущее, отделенное от настоящего девяноста часами.

– По-моему, нам так и не удалось убедить генерала, – заметил Пейнтер, поворачиваясь к молодой женщине.

– И я не могу сказать с полной уверенностью, что сама убеждена в своей теории, – добавила та.

Кроу был удивлен – и это, судя по всему, появилось у него на лице.

– Тут задействовано столько переменных величин, – объяснила Джада, неуютно ерзая в кресле. – Как я уже говорила, изображение может быть взглядом в *альтернативную* Вселенную, не обязательно в нашу. Я категорически не желаю верить, что будущее высечено в камне. Больше того, квантовая физика отрицает прямолинейное течение времени. Один лишь процесс наблюдения способен изменить судьбу, как это было с котом Шредингера.

– И каким это боком?

– Ну, возьмем нашего кота. Вот классический пример жутких парадоксов квантовой механики. В этом гипотетическом эксперименте кот помещается в ящик вместе с отравленной таблеткой, которая равновероятно может его убить, а может и не убить. Пока ящик закрыт, кот считается находящимся в неопределенном состоянии – одновременно живым и мертвым. Только открыв ящик и взглянув на кота, можно достоверно убедиться в том, как именно распорядилась судьба. Некоторые ученые утверждают, что, когда ящик откроется, Вселенная расщепится надвое. В одной половине кот живой, в другой – мертвый.

– Хорошо.

– И возможно, была похожая ситуация, когда спутник, сделавший фотографию, находился в «складке» пространства и времени. В одной Вселенной мир сторел, в другой – нет.

– То есть вероятность остаться в живых у нас пятьдесят на пятьдесят. Почему-то такие шансы меня совсем не радуют, особенно если речь идет о судьбе всего человечества.

– Однако далее течение времени становится еще более непредсказуемым. Уже сам факт, что спутник сделал фотографию и мы ее увидели, является *процессом наблюдения*. И мы можем

своими действиями изменить будущее – но мы не знаем, какие именно наши действия повысят вероятность конца света, а какие ее уменьшат.

– Похоже на то, что в течение следующих четырех суток мы будем, подобно коту Шредингера, находиться между жизнью и смертью.

Джада кивнула. Вид у нее был такой же невеселый, как и у Пейнтера.

– То есть мы обречены, если предпримем какие-либо действия, и равно обречены, если ничего не будем предпринимать.

Молодая женщина пожала плечами.

– По большому счету, в этом заключается вся суть квантовой механики.

– В таком случае, что же вы предлагаете делать?

– Нужно разыскать спутник. Это наша первоочередная задача.

– Вы говорите совсем как генерал Меткалф.

– Он прав. Все мои теории – не более чем предположения. Но, возможно, исследовав обломки, я смогу предложить нечто более определенное. – Джада повернулась в кресле так, чтобы смотреть Пейнтеру в лицо. – Знаю, вы не очень-то рады тому, что я присоединилась к группе, которая отправляется в Монголию разыскивать обломки, однако никто не знает спутник так хорошо, как я. Если не иметь под рукой кого-нибудь, кто обладает самой доскональной информацией, можно упустить что-либо ценное – и даже хуже.

– Что вы имеете в виду под «даже хуже»?

Джада тяжело вздохнула.

– Я уже говорила вам, что выброс темной энергии, вероятно, «сморщил» пространственно-временной континуум, и складка оказалась гораздо глубже, чем позволяли предположить любые оценки. Однако мои предварительные расчеты предупреждают о более серьезной угрозе.

– Какой?

– Существует небольшая вероятность того, что мы могли породить в пространственно-временном континууме какой-то «узелок», нечто недолговечное, способное продержаться лишь короткое время, – и этот узелок может остаться переплетенным на квантовом уровне с обломками спутника.

– Переплетенным?

– Подобное происходит, когда два объекта какое-то время взаимодействуют между собой, начинают обмениваться квантовыми состояниями, после чего разъединяются. В определенных случаях их квантовое состояние остается связанным, и тогда изменения квантового статуса одного объекта немедленно вызывают изменения другого. Даже если их разделяет огромное расстояние.

– По-моему, это противоречит логике.

– И нарушает постулат о скорости света. На самом деле Эйнштейна это очень напугало. Он назвал такой эффект «*spukhafte Fernwirkung*», «сверхъестественным воздействием на расстоянии». Однако данный феномен не только был наглядно продемонстрирован в лабораториях на субатомном уровне. Недавно группа китайских исследователей добилась того же самого с двумя алмазами, видимыми невооруженным глазом. Для этого нужно лишь достаточно большое количество энергии.

– Что-нибудь вроде выброса темной энергии...

– Совершенно верно. Если в искривлении пространства и времени вокруг Земли действительно есть «узелок», квантовое состояние которого переплелось со спутником, любое неправильное обращение с обломками может привести к тому, что узелок разорвет дыру из космоса до самой поверхности Земли.

– И ничего хорошего в этом не будет.

– Да, если вам хочется, чтобы на нашей планете и дальше существовала жизнь.

– Вы выдвинули очень интересную теорию, доктор Шоу.

Пейнтер не успел еще договорить эту фразу до конца, как у него зазвонил спутниковый телефон. Взглянув на экран, он увидел, что его вызывают из штаба «Сигмы» в Вашингтоне. Это была капитан Кэтрин Брайант, его первый заместитель. Основной специализацией Кэт был сбор разведывательной информации, однако сейчас Пейнтер поручил ей проделать предварительную работу по подготовке поискового отряда.

Недавно у них уже состоялся краткий разговор. Предварительный план состоял в том, чтобы отправить группу командера Пирса напрямик из Китая в Улан-Батор, столицу Монголии, где она встретится с отрядом из двух человек, посланных из Вашингтона.

Кэт предложила задействовать в операции как можно меньше людей, поскольку место падения спутника находилось на территории особо охраняемой зоны природного и исторического наследия Хан-Хэнтэй, доступ куда был строго ограничен, особенно для иностранцев. Кроме того, для монголов эти земли были священными. Малейший неверный шаг мог привести к тому, что поисковый отряд выдворят из Хан-Хэнтэя.

Как следствие, подробности плана все еще прорабатывались.

Отвечая на звонок Кэт, Пейнтер рассчитывал услышать обнадеживающие новости. Однако первые же ее слова быстро раздавили эту надежду.

– Господин директор, у нас новая проблема.

Конечно, в этом можно было не сомневаться...

– По информационным каналам разведывательных ведомств я только что получила сообщение о террористическом акте в Италии. Известия по-прежнему обрывочны, но, судя по всему, кто-то выстрелил из реактивного гранатомета в окно университетского кабинета монсеньора Вероны.

– Вигора? С ним все в порядке?

– К счастью, да. Больше того, я вывела его на вашу линию. Он еще не до конца пришел в себя после случившегося, но при взрыве гранаты присутствовала племянница монсеньора Вероны, и ей удалось вывести его из здания университета живым и невредимым.

У Пейнтера и без того было забот по горло, однако он считал себя в долгу перед пожилым прелатом.

– Дай мне его.

Кэт установила соединение, и в трубке раздался знакомый тенор монсеньора Вероны.

– Директор Кроу, grazie¹¹. – Учитывая данные обстоятельства, голос Вигора звучал на удивление спокойно, но, впрочем, старик был крепким. – Знаю, вы заняты, но я хочу обратить ваше внимание на одно в высшей степени важное дело.

– Что стряслось?

– Если вкратце, я считаю, что мир приближается к серьезному кризису.

Пейнтер почувствовал, как у него в груди образовалась ледяная пустота.

– Почему вы так думаете?

Монсеньор пустился в пространный рассказ про таинственную посылку от своего умершего коллеги-археолога, содержащую череп и книгу, переплетенную в человеческую кожу. Он упомянул про венгерских колдунов, талмудические талисманы и надпись с просьбой о спасении.

По мере того как Вигор говорил, ледяной холод потихоньку отступал. На смену ему приходило облегчение. Все это не имело *никакого* отношения к тому, свидетелем чего стал Пейнтер в космическом центре.

– Теперь, после нападения, я, кажется, понимаю, почему мой коллега брат Иосип скрывался столько лет, – продолжал Вигор. – Несомненно, его розыски привлекли внимание неких

---

¹¹ Спасибо (*итал.*).

людей, которые не остановятся перед любым насилием, лишь бы не позволить миру ознакомиться с этими знаниями. Брат Иосип попросил, чтобы я приехал к нему в Среднюю Азию, на побережье Аральского моря. Я надеялся, вы сможете предложить какую-то помощь на месте, особенно если учесть, что время поджигает.

Пейнтеру хотелось бы выделить монсеньору людей, однако в данной ситуации он не имел права распылять свои силы.

– Сожалею...

Но тут вмешалась Кэт, следившая за разговором.

– Монсеньор Верона, полагаю, вам следует объяснить директору Кроу, *почему* вы считаете, что время поджигает.

– *Mi dispiace*¹², – поспешно сказал Вигор, – мне казалось, я это уже сделал, однако, похоже, я объяснил только вам, капитан Брайант, но не директору.

– О чем это вы? – нетерпеливо спросил Пейнтер.

– Надпись на черепае, та, с просьбой о спасении... это мольба защитить от конца света.

– Вы это уже говорили.

– Да, но я забыл уточнить, *когда* должен состояться предполагаемый конец света.

Пейнтер почувствовал, как леденящая пустота вновь разрастается в его груди.

– Дайте мне самому догадаться, – сказал он. – Через четыре дня.

– *Sì*¹³, – удивленно подтвердил Вигор. – Но откуда вам известна эта дата?

Кроу решил пока что воздержаться от объяснений. Попросив Кэт на время отключить монсеньора от линии, он обратился к своему заместителю:

– Ну, что скажешь?

– Я нахожу очень важным, что временные рамки конца света, указанные на древней реликвии, совпадают с теми, что были получены в Ракетно-космическом центре.

Судя по всему, Кэт уже была в курсе тревожных новостей с Запада. Впрочем, тут не было ничего удивительного. В этом и заключалась ее работа: собирать информацию. От внимания Кэтрин не ускользало ничего.

– Но что, если это лишь простое совпадение? – спросил Пейнтер. – Следует ли нам отвлекать свои силы на то, что на поверку окажется лишь погоней за археологическим журавлем в небе?

– В данном случае я считаю, что следует. Во-первых, возможно, нам и не придется разделять наши силы. Та точка, координаты которой назвал монсеньор Верона, лежит на пути из Вашингтона в Монголию. Нашему отряду, вылетающему из Соединенных Штатов, не составит труда совершить короткую остановку и расследовать эту тайну. Сроки это не очень сдвинет. Кроме того, мне все равно нужно перебросить в Монголию необходимое снаряжение. Тем временем вторая группа, которая находится гораздо ближе, отправится на место и проведет предварительное изучение района крушения.

– Ты имеешь в виду Грея, Ковальски и Сейхан?

Кэт кивнула.

– От Гонконга до столицы Монголии Улан-Батора всего несколько часов.

– Похоже, ты уже все продумала. Но я должен тебя предупредить, что в группе, отправляющейся из Штатов, будет *третий* человек. – Пейнтер оглянулся на Джаду. – Гражданское лицо, ученый, убедившая меня в том, что нам, возможно, потребуются ее знания.

– Никаких проблем. Я очень признательна доктору Шоу за помощь.

Помимо воли Пейнтер улыбнулся. Как всегда, Кэт прочитала его мысли.

---

¹² Приношу свои извинения (*итал.*).

¹³ Да (*итал.*).

– Кроме того, – продолжала она, – этот небольшой крюк дает дополнительные преимущества. Работа вместе с монсеньором Вероной и его таинственным коллегой дает нам оправдание посетить особо охраняемую территорию Хан-Хэнтэй.

– Разумеется, – кивнул Пейнтер, довольный изобретательностью Кэт. – Мы сможем выдать себя за археологическую партию.

– Совершенно верно. Особенно если монсеньор Верона согласится отправиться в Монголию вместе с нами – поскольку, похоже, у нас общая цель.

Спаси мир...

– В таком случае, за дело, – сказал Пейнтер. – Свяжись с Греем и передай, чтобы его группа трогалась в путь.

Кэт вздохнула, не скрывая своего раздражения.

– Если бы только я могла с ним связаться...

Глава 4

*18 ноября, 02 часа 02 минуты
по пекинскому поясному времени
Макао, Китайская Народная Республика*

Казино «Лиссабон» стало эпицентром Третьей мировой войны. По крайней мере, так казалось Грею, забаррикадовавшемуся в кабинете люкс. Первые выстрелы из оружия с глушителями переросли в полномасштабную перестрелку, разгоревшуюся в коридоре.

Где-то неподалеку прогремел глухой взрыв.

Пирс сидел на корточках, укрываясь за импровизированной баррикадой у двери. С помощью Ковальски он перетащил опрокинутый стол для баккара и загородил единственный путь внутрь. Сейхан придвинула обитый красным шелком диван, еще больше укрепляя оборонительные сооружения. Единственным другим выходом из кабинета было узкое окно, но того, кто решил бы им воспользоваться, ждало падение с высоты четвертого этажа на асфальт.

Доктор Хван Пак забился в дальний угол. Его злорадный восторг по поводу предательства сменился ужасом. Очевидно, его план пошел наперекосяк. Попытка нападения, предпринятая боевиками триады «Дуан чжи», наткнулась на непредвиденную преграду. Сначала Грей с надеждой решил было, что служба безопасности казино обратила нападавших в бегство, однако интенсивность и масштабы перестрелки только возрастали. Все чаще слышались очереди из пистолет-пулеметов и даже автоматических винтовок, и Грей понял, что это самая настоящая гангстерская война за передел сфер влияния.

«И, похоже, главный приз – это мы».

Грей понимал, что импровизированная баррикада долго не продержится. Рано или поздно одна из соперничающих группировок одержит верх. В доказательство его рассуждений выстрел из ружья проделал в двери дыру размером с кулак.

– Ковальски, сейчас или никогда! – крикнул Грей.

– Попробуй заняться делом, когда у тебя портки сваливаются!

Великан присел на корточки посреди комнаты, а Грей и Сейхан прижимались спиной к дивану, укрываясь за ним.

Выдернув из брюк ремень, Ковальски уложил его кольцом на пол, застегнул пряжку и закрепил на ней радиоприемник. В «Сигме» великан отвечал за подрывное дело. Хотя оперативники не решились провозить в Китай огнестрельное оружие, у Ковальски все же был припрятан козырной туз в рукаве. Или, точнее, в брюках.

Шнур из мощной взрывчатки был разработан в УППОНИР. Запечатанная в трубку из графена¹⁴, она не обнаруживалась сканерами в аэропортах.

– Все готово, – сказал Ковальски, откатываясь назад к своим товарищам и таща за собой кресло.

– Что вы делаете? – окликнул их Хван Пак.

Трое оперативников сгрудились за креслом.

– Взрываю! – крикнул великан, нажимая кнопку передатчика.

Комната содрогнулась от сильного взрыва. Грею показалось, у него в голове прозвонил огромный колокол. Повалили клубы черного дыма. На мгновение перестрелка в коридоре затихла: обе противоборствующие стороны застыли, оглушенные внезапным грохотом.

– Пошли! – заорал Грей, отпихивая кресло в сторону.

---

¹⁴ Графен – полупроводниковый наноматериал, молекулярная структура из атомов углерода толщиной в один атом, соединенных в гексагональную сотоподобную кристаллическую решетку. Эта двумерная форма углерода обладает уникальными электрическими, оптическими, механическими и тепловыми свойствами.

Он молил Бога о том, чтобы шнур взрывчатки сделал свое дело. В противном случае они были обречены, поскольку больше Ковальски было нечего взрывать.

Впереди сквозь дым пробивались языки пламени горящей ковровой дорожки. В полу зияла воронка – *сквозная*. Толстые стальные балки уцелели, но взрыв проделал между ними отверстие.

Грей заглянул вниз в дыру. Он знал, что план третьего этажа практически идентичен плану четвертого этажа. К счастью, кабинет люкс прямо под ними был свободен.

В коридоре с новым ожесточением вспыхнула стрельба. Грей махнул рукой, предлагая Сейхан идти первой. Та проскользнула между балками и легко спрыгнула на пол предыдущего этажа.

Грей и Ковальски собирались последовать за ней, но тут вмешался Хван Пак, умоляя взять его с собой. Ковальски врезал ему кулаком, словно прихлопнул муху. Хрустнула сломанная кость, и северокорейский ученый, отлетев назад, упал навзничь. Из разбитого носа хлынула кровь.

Через мгновение Грей уже стоял рядом с Сейхан на полу третьего этажа.

И тотчас же позади тяжело спрыгнул Ковальски.

– Нам нужно поскорее покинуть зону войны, – сказал Грей. – Но все выходы из казино охраняются.

– Возможно, я знаю дорогу.

Приоткрыв дверь, Сейхан высунула голову, затем быстро выскочила в коридор.

– А как насчет того, чтобы сказать нам? – проворчал Ковальски, спеша вместе с Греем следом за ней.

Подбежав к пожарной лестнице, Сейхан распахнула дверь – и столкнулась лицом к лицу с боевиком, который сбежал вниз, перепрыгивая через ступеньки.

Пригнувшись, женщина подскочила к нападавшему и перебросила его через спину. Грей, в нескольких шагах позади нее, развернулся и выбросил ногу вверх, попав летящему боевику в челюсть. Нападавший рухнул бесформенной грудой на пол и затих.

– Напомни мне никогда не злить тебя, – пробормотал Ковальски.

Грей освободил боевика триады от оружия, автомата АК-47 китайского производства. Быстрый обыск дал также пистолет «Красная звезда»¹⁵, стоящий на вооружении китайской армии, спрятанный в кобуре под мышкой. Грей отдал пистолет Ковальски.

– Да это уже настоящее Рождество! – одобрительно произнес великан, умелым движением проверяя оружие.

– Пошли! – нетерпеливо воскликнула Сейхан, стоя на лестничной площадке и осматривая пролет, ведущий вниз.

Грей присоединился к ней, сжимая автомат, и они быстро сбежали вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Стрельба наверху уже затихала. Но когда беглецы спустились на первый этаж, входная дверь впереди начала открываться. Грею было все равно, кто это – случайные прохожие, ищущие укрытия, или подкрепление, спешащее на помощь боевикам. Он дал длинную очередь, разбивая дверь в щепки.

Дверь закрылась.

У него за спиной раздался треск пистолетного выстрела – это Ковальски выпустил пулю в сторону лестницы, останавливая возможных преследователей.

Не обращая внимания на входную дверь, Сейхан устремила вниз в подвал. Грей, предварительно ознакомившийся с планом «Лиссабона», знал, что под главным игральным залом располагается обширный торговый центр. Здесь также прогуливались в ожидании клиентов

---

¹⁵ Скорее всего, автор имеет в виду автоматический пистолет типа 77, калибра 7,65-мм, рукоятку которого украшает изображение пятиконечной звезды.

многочисленные проститутки, благодаря которым этаж и получил свое прозвище «променад шлюх».

Добежав до двери, Сейхан приоткрыла ее и заглянула в щелку. По сравнению с грохотом перестрелки наверху здесь царила тишина.

– Как я и думала, все магазины закрыты, – шепотом доложила Сейхан.

Судя по всему, владельцы поспешили закрыть витрины защитными решетками, как только началась стрельба.

Постепенно Грей начинал понимать замысел Сейхан. В то время как все входы в казино перекрыты вооруженными боевиками, вряд ли кому-нибудь пришло в голову позаботиться о воротах складских помещений. Как и Сейхан, триады понимали, что владельцы закроют свои магазины, спасая товар от мародеров.

Но как она собирается?..

Стащив с себя шерстяную жилетку, Сейхан отшвырнула ее в сторону. Затем разорвала на себе шелковую блузку, роняя на пол пуговицы и открывая черный лифчик. Выдернув подол блузки из джинсов, растрепала волосы.

– Ну, как я выгляжу? – спросила она.

Грей не нашел слов – как и Ковальски, в кои-то веки.

Бросив на них выразительный взгляд, Сейхан развернулась и проскользнула за дверь.

– Ждите здесь, до тех пор пока мне не удастся упротить кого-нибудь открыть решетку.

Грей занял ее место у двери.

Ковальски хлопнул его по плечу.

– Повезло же тебе, Пирс!

Грей не собирался спорить.

02 часа 14 минут

Чжулон Дельгаду выругался, проклиная невезение.

Он стоял в своем кабинете перед плазменным экраном и смотрел на затянутую дымом дыру, сделанную взрывом в полу кабинета люкс. Ему хотелось свалить всю вину на комету в небе, однако он был выше подобных суеверий. На самом деле причина всех этих неприятностей была очевидна.

Он просто недооценил своих противников.

Но дважды такое не произойдет.

Несколько минут назад тот из двоих мужчин, что выше ростом, на глазах у Дельгаду привел в действие взрывное устройство – после чего тому осталось только бессильно наблюдать со стороны, как троица спаслась бегством, ускользнув в образовавшуюся дыру подобно крысам.

Единственный оставшийся в комнате человек забился в угол.

Доктор Хван Пак.

Глядя на северокорейского ученого, Чжулон постукивал пальцем по краю португальского морского сундука, на котором стоял телевизор, мысленно прокручивая различные сценарии, взвешивая все плюсы и минусы в поисках лучшего решения.

В конце концов он сделал свой выбор.

Чжулон уже пытался связаться с находившимся в «Лиссабоне» Томашем и предупредить его о бегстве целей, но тщетно. Он представил себе ожесточенную перестрелку в коридорах казино. Это была самая настоящая война, разгоревшаяся по его приказу, и Томаша нельзя было винить в том, что в настоящий момент все его внимание было приковано именно к этому.

Пусть будет так.

Чжулон ткнул кнопку телефона. Услышав ответ, он властным тоном приказал:

– Подгоните мою машину.

Пока он ждал, послышался робкий стук в дверь. Обернувшись, Чжулон увидел, как дверь открылась, и в кабинет проскользнула маленькая фигура в коротком шелковом халате и шлепанцах. Загорелое лицо обрамляли длинные прямые волосы цвета меда. Подойдя к Чжулону, женщина положила ладонь на свой округлый живот.

– Наталья, любовь моя, ты должна уже спать!

– Твой сын мне не дает, – с нежной улыбкой произнесла женщина, бросив призывный взгляд на Чжулона. – Вот если бы его отец лежал рядом со мной...

– Как я хочу этого сам... Но сначала мне нужно доделать кое-какие дела.

Наталья недовольно надула губки.

Подойдя к ней, Чжулон опустил на колени и поцеловал живот, где спал его сын.

– Я скоро вернусь, – заверил он обоих и, добавив Наталье поцелуй в щеку, выпроводил ее за дверь.

Ему на самом деле очень хотелось присоединиться к ней – но, еще сидя на коленях у своего отца, он усвоил, что на войне и в бизнесе порой просто необходимо самому пачкать руки.

02 часа 16 минут

Сейхан казалось, что стены обступили ее со всех сторон.

Чем дольше они будут находиться запертыми в казино «Лиссабон», тем меньше будут их шансы на спасение.

Подпитываемая отчаянием, Сейхан устремилась от двери, ведущей с лестницы, в открытое пространство подземного торгового центра. Притворно прихрамывая, она изобразила объятую ужасом проститутку, застигнутую стрельбой.

Кружась на месте, Сейхан рвала на себе волосы, призывая на помощь по-китайски. С залитым слезами лицом она металась от одной закрытой двери к другой, колотя в них кулаком и упрашивая впустить внутрь, спасти.

Сейхан знала, что здесь, как и во многих подобных местах, между владельцами магазинов и проститутками, промышляющими на первом этаже, сложились доверительные отношения, определенные взаимовыгодным сотрудничеством.

Магазины привлекали потенциальных клиентов, в то время как проститутки заманивали возможных покупателей.

Великий круговорот жизни.

И вот сейчас Сейхан сделала ставку на то, что эти отношения предполагают и взаимную выручку. Добежав до двери маленького рынка сельскохозяйственной продукции, она упала на колени перед стальной решеткой, растерянная и испуганная, и принялась раскачиваться из стороны в сторону, всхлипывая и причитая.

Как она и надеялась, в конце концов ее жалобные крики заставили кого-то выглянуть из своего убежища. Маленький седовласый старичок в грязном фартуке осторожно приблизился к запертой двери и пригрозил Сейхан, прогоняя ее прочь.

Вместо этого та вцепилась в дверь, изображая отчаяние и панический ужас и умоляя впустить ее.

Поняв, что она никуда не уйдет, старик присел на корточки. Оглядевшись по сторонам, убедился, что кроме Сейхан больше никого нет, и только после этого осмелился отпереть дверь.

Как только он начал поднимать стальную решетку, Сейхан украдкой подала знак Грею и Ковальски.

У нее за спиной с грохотом распахнулась дверь, ведущая на лестницу, и послышался топот тяжелых ботинок.

Владелец рынка широко раскрыл глаза. Он попытался снова опустить решетку, однако Сейхан, опередив его, поднырнула под нее и, схватив старика одной рукой, другой подняла решетку выше.

Подбежавший Грей опустился на четвереньки и пролез под решеткой.

Ковальски распластался на полу. Перекатившись внутрь следом за Греем, он налетел на коробку с апельсинами.

Грей направил на старика автомат.

– Заприте дверь, – приказала Сейхан, выпрямляясь и сбрасывая с себя показной испуг, словно змея кожу.

Владелец рынка поспешно повиновался, опуская решетку.

– Объясни, что мы не сделаем ему ничего плохого, – сказал Грей.

Сейхан перевела его слова, однако ее лицо оставалось каменным, а взгляд замораживал льдом, и бедняга нисколько не успокоился. Задав ему несколько кратких вопросов, Сейхан повернулась к Грею.

– Склад находится сзади, из него есть отдельный выход, – сказала она и первой направилась в указанную сторону.

Углубившись в рынок, беглецы двинулись мимо стеллажей с коробками, наполненными местными овощами и фруктами. С противоположной стороны вдоль стены тянулись ряды аквариумов с живой рыбой, лягушками и устрицами.

Дойдя до конца, Сейхан обнаружила бетонный пандус, ведущий вверх, которым пользовались грузовики, доставлявшие продукцию. Пандус заканчивался подъемными воротами. Слева находилась дверь.

Радуюсь возможности избавиться от непрошенных гостей, владелец отпер дверь и сердито махнул рукой, приглашая их удалиться в ночную темноту.

Грей, вооруженный автоматом, двинулся первым. Сейхан последовала за ним.

Они оказались в узком переулке. Со всех сторон доносились сирены машин чрезвычайных служб, спешащих к «Лиссабону», однако праздничные толпы вокруг озера Нам-Вань и на соседних улицах не давали им проехать к казино.

Более того, подвыпившие гуляки, похоже, даже не подозревали о бушующей поблизости гангстерской войне. В воздухе непрерывно грохотали фейерверки, отражаясь в свете тысяч зажженных фонариков, плавающих на поверхности озера. Дальше от берега плясали под мелодии «Битлз» струи фонтанов соседнего казино «Винн», подсвеченные прожекторами.

– И что теперь? – спросил Ковальски, вынужденный перейти на крик.

– Нам нужно выбраться отсюда, – сказал Грей, направляясь по переулку к толпам вокруг озера. – Но поймать такси будет трудно, а смешаться с толпой нам не удастся.

– Я смогу, – сказала Сейхан.

Она запахнула разорванную блузку, захлестнув крест-накрест ее края наподобие саронга и засунув их в джинсы, и приказала:

– Оставайтесь здесь. До моего возвращения никуда не высовывайтесь.

02 часа 28 минут

Грей затаился у входа в переулок, не отрывая взгляда от празднующей толпы. Ковальски, оставшийся в глубине, следил за тем, чтобы никто не нанес удар со спины.

Некоторое время назад Пирс поменялся с Ковальски оружием. Длинное пальто помогло великану спрятать громоздкий «калашников». Грей держал пистолет у бедра, прикрывая его своим телом.

Завывание сирен становилось все громче.

Справа берег озера все еще был запружен праздничными толпами, но слева улицы уже начинали потихоньку пустеть. Гуляки отправлялись спать или расходились по многочисленным казино и барам.

Глядя на улицу, Грей увидел, как толпа внезапно бросилась врассыпную, словно стайка испуганных голубей. Какофонию голосов и музыки разорвал резкий звук двухтактного дви-

гателя. Показался стремительно мчащийся мотоцикл со знакомой фигурой за рулем. Сейхан мастерски лавировала между мечущимися людьми, рассчитывая на то, что зазевавшиеся успеют отпрыгнуть с дороги.

Когда толпа рассеялась, Грей разглядел, что это не мотоцикл, а скорее рикша. Спереди это был мотоцикл с одним колесом, а сзади – двухколесная повозка. Такое транспортное средство называется «моторикша». По дороге к «Лиссабону» Грей уже видел такие. В густонаселенном Макао моторикши были гораздо практичнее автомобилей.

Но, может быть, не тогда, когда за тобой охотятся враждующие триады.

Сейхан резко затормозила рядом со своими товарищами.

– Садитесь. И пригнитесь.

Не имея выбора, Пирс и Ковальски забрались на заднее сиденье. Грей почувствовал себя совершенно беззащитным, особенно из-за своего белокожего лица, резко выделяющегося среди моря азиатских внешностей.

Ковальски постарался погрузиться глубже в пальто, остро чувствуя свои внушительные габариты.

– Это ты плохо придумала.

Как только они уселись, Сейхан развернула мотоцикл и устремилась прочь от казино «Лиссабон», вдоль берега озера Нам-Вань.

– Это лучшее, что мне удалось раздобыть, – крикнула она. – По всему городу улицы перекрыты. Ничего более солидного я бы вовремя подогнать не успела.

Она продолжала ехать вокруг озера.

Грей определил, что они направляются *прочь* от паромной переправы.

– Куда мы едем?

– Вон к той переправе. – Сейхан указала на соседний остров Тайпа, куда вел ярко освещенный мост. – Там есть другой паром, поменьше, недалеко от гостиницы «Венеция». Маловероятно, что нас будут искать там. Я уже выяснила, что последний паром отходит через двадцать минут.

И нам нужно во что бы то ни стало успеть на него.

В Макао становилось слишком жарко. Им на спины словно повесили мишени.

Грей сжался в комок на жестком сиденье. Выехав на шоссе, Сейхан понеслась к мосту, петляя в потоке машин и даже при необходимости выскакивая на тротуар, обгоняя медленно едущих велосипедистов.

Наконец мотоцикл подъехал к мосту, и остался прямой трехкилометровый участок до соседнего острова. В узком горлышке на въезде движение застопорилось, однако Сейхан едва сбавила скорость, лихорадочно мечась из стороны в сторону. По обе стороны от моста залитые лунным светом воды дельты Жемчужной реки сияли многими тысячами плавающих фонариков, которые далеко уплыли в открытое море, делая его похожим на отражение звездного неба. Впереди сиял неоновыми огнями остров Тайпа – дешевое зрелище на фоне спокойной красоты вокруг.

Меньше чем за десять минут мотоцикл пересек мост и свернул в лабиринт узких улочек, ведущих к причалу паромной переправы. Однако не успел он проехать и двадцать ярдов, как справа из переулка показался здоровенный «Кадиллак Эскалейд», ударивший решеткой радиатора прямо в бок моторикше, опрокидывая его и отбрасывая к парапету высотой по пояс, которым была огорожена набережная.

Грея и Ковальски выбросило с сиденья. Перелетев через парапет, они покатались по гальке с песком. Пирсу удалось удержать в руке пистолет. Оставшись лежать на спине, он вскинул оружие в сторону «кадиллака», который замер поперек дороги, перегораживая движение.

Из машины выскочили несколько человек, в чьих жилах текла смесь португальской и китайской крови, – но они пригнулись, укрываясь за парашетом, что мешало сделать прицельный выстрел. Все вместе нападавшие сместились влево.

Только тут до Грея дошло, что Сейхан с ними нет.

С гулко колотящимся сердцем он перекатился на колени, чтобы занять лучшее положение, и начал стрелять. Первой пулей ранил одного из боевиков в руку, однако следующие три выстрела пришлись мимо. Затем Грей увидел, что нападавшие схватили Сейхан и потащили ее к «кадиллаку», оглушенную, с окровавленным лицом.

Выругавшись, Пирс опустил пистолет, опасаясь стрелять в боевиков, обступивших молодую женщину.

Однако его противникам ничто не мешало вести огонь. Рядом с коленями Грея поднялись фонтанчики песка.

В нескольких шагах от него Ковальски наконец достал свой «калашников». Держа автомат в одной руке, он дал очередь по парашету, отгоняя двух боевиков, а второй указал под мост. Здесь, на пустынном берегу, они были как на ладони.

Не имея выбора, Пирс и Ковальски устремились в укрытие. На бегу Грей сделал несколько выстрелов в сторону «кадиллака». Позади внедорожника стоял высокий бородатый мужчина, нисколько не боясь пуль, рикошетирующих от пуленепробиваемого стекла. Забрав у боевиков бесчувственную Сейхан, он запихнул ее на заднее сиденье.

Хлопнули двери, и «кадиллак», визжа покрышками, умчался прочь. Несколько боевиков остались, продолжая вести огонь, но Грей уже успел добежать до моста и нырнуть за опору. Ковальски следовал за ним по пятам.

– Говорил я вам, что это была плохая идея, – проворчал великан.

– Не останавливайся.

Пригнувшись, Грей побежал под мостом. Нужно было оторваться от оставшихся боевиков. Добравшись до противоположной стороны, он метнулся к парашету и перевалился через него. Затор на дороге потихоньку рассасывался.

Воспользовавшись бедламом выстроившихся бампер к бамперу машин, гудящих клаксонами, Грей, низко пригибаясь, пересек улицу. Слева от него боевик прочесывал берег. Другой перескочил через парашет, чтобы получить возможность стрелять под мостом.

Быстро перебежав через шоссе, Пирс нырнул в запруженный лабиринт улиц и переулков. Тяжело дыша, Ковальски не отставал от него ни на шаг.

– Сейхан?... – спросил на бегу великан.

– Сразу ее не убили, – ответил Грей.

Слава богу, что так.

Они пробежали еще с четверть мили, в основном вдоль берега, направляясь прочь от моста. Улицы по-прежнему были заполнены народом, но толпы уже заметно поредели. Тем не менее, в море азиатских лиц двое американцев выделялись слишком заметно. Преследователям не составит труда выследить их. Сознывая это, беглецы даже не помышляли об остановке.

– Какой у нас план? – спросил Ковальски.

До сих пор Грей бежал на чистом адреналине, но его напарник был прав. Пришла пора мыслить стратегически.

Тот, кто организовал это нападение, совершенно правильно предположил, что они попытаются бежать, воспользовавшись единственной возможностью – другой паромной переправой. Поскольку кратчайшая дорога на соседний остров лежала через мост, было проще простого устроить засаду в узкой горловине и ждать, когда появятся жертвы.

– Несомненно, паромная переправа находится под наблюдением, – сказал Грей, рассуждая вслух. – Это означает, что нам нужно найти другой способ попасть в Гонконг.

– А как насчет Сейхан? Мы просто бросим ее?

– У нас нет выбора. Если она попала в руки какой-нибудь гангстерской группировки, у нас просто нет возможности освободить ее силой, даже если мы будем знать, где ее держат. Вдобавок мы не можем передвигаться по Макао, не привлекая к себе внимания.

– Значит, спастись бегством?

Пока что так.

Грей свернул назад к берегу. Он указал на небольшую пристань поблизости.

– Нам нужна лодка.

Он влился в поток празднующих гуляк, все еще заполнявших набережную. Ковальски неотрывно следовал за ним. Поравнявшись с пристанью, беглецы свернули к ней. Фонари освещали водную гладь с покачивающимися причаленными яхтами и моторными лодками. Грей и Ковальски направились вдоль пристани и наконец увидели быстроходный катер, который готовила к выходу в море супружеская пара средних лет, судя по акценту, англичане, собирающиеся возвращаться домой после праздника.

Грей подошел к ним.

– Прошу прощения.

Супруги, спорившие о чем-то, умолкли и обернулись.

Глуловато улыбнувшись, Грей рассеянно провел по волосам рукой, словно ему было нелегко сделать следующее признание.

– Я вот тут подумал, если вы возвращаетесь в Гонконг... может быть, не откажетесь помочь двум ребятам, которые проиграли в пай-гоу последнюю рубашку? У нас не осталось денег на паром обратно до Коулуна.

Мужчина подозрительно выпрямился. Было видно, что он слегка навеселе.

– Вы янки. – Изумления в его голосе было не меньше, чем если бы перед ним стояли лилипуты. – Вообще-то, братцы, я бы согласился, но понимаете...

Грей направил на него пистолет, а Ковальски, распахнув полы пальто, показал «калашников».

– Ну, а теперь как? – спросил Грей.

Англичанин обмяк, словно из него выпустили воздух.

– Знаете, моя жена мне этого никогда не простит.

Женщина скрестила руки на груди.

– Говорила я тебе, что надо шевелиться быстрее!

Мужчина только пожал плечами.

Связав владельцев и заткнув им рты кляпом, Грей оставил их на соседней яхте, погруженной в темноту. Выведя катер в море, он дал полный газ и понесся по черной глади в сторону Гонконга.

Когда огни Макао скрылись позади, Грей окликнул Ковальски:

– Бери штурвал.

Джо, бывший моряк, с радостью сменил его, возбужденно потирая руки.

– Посмотрим, на что годится эта посудина!

В нормальной обстановке это насторожило бы Пирса, однако сейчас у него были другие заботы.

Получив краткую передышку, он достал из кармана куртки спутниковый телефон и, взглянув на экран, увидел, что из штаба «Сигмы» ему пришло уже множество голосовых сообщений. Отправляясь на встречу в «Лиссабон», Грей отключил звонок, а затем у него уже не было спокойной минуты, чтобы снова его включить.

Вместо того чтобы прослушивать записанные сообщения, Грей просто связался со штабом «Сигмы» в Вашингтоне. Новейший криптографический алгоритм, разработанный УППО-НИР, исключал прослушивание разговора.

Тотчас же ответила Кэт Брайант.

– Давно пора.

– Да мы были заняты.

По его голосу Кэт сразу же поняла, что случились какие-то неприятности.

– Что произошло?

Пирс изложил ей краткую версию событий этой ночи.

Кэт задала несколько уточняющих вопросов, быстро оценивая глубину зыбучих песков.

– Грей, я ничем не могу тебе помочь. Определенно, я просто не успею, особенно если учесть, что Сейхан уже у них в руках.

– Понятно. Я звоню не поэтому. Просто хотел доложить «Сигме» о ситуации.

На тот случай, если здесь станет совсем жарко.

– На самом деле, у нас свои проблемы, – продолжала Кэт. – Именно поэтому я и пыталась с тобой связаться. Директор Кроу хочет, чтобы ты со своей группой немедленно отправился в Монголию.

В Монголию?

Кэт в общих чертах рассказала ему про упавший спутник и последнее переданное с него изображение с пылающим Восточным побережьем.

– Я не могу покинуть Макао, – сказал Грей, когда она закончила. – По крайней мере, какое-то время.

– Конечно. Обстоятельства изменились. – Следующие слова Кэт были проникнуты тревогой: – Но *что* ты собираешься там делать, Грей? У тебя ничего нет. А преступные организации Макао слишком могущественны и славятся своей жестокостью.

– У меня есть один план.

– Какой?

Грей устремил взгляд на отдаленное зарево над черным пространством.

– Вышибить клин клином.

Глава 5

*17 ноября, 18 часов 04 минуты
по восточному поясному времени
Вашингтон*

Джада затаила дыхание.

«Что я здесь делаю?»

Она чувствовала себя Алисой, попавшей в Зазеркалье.

Стоящий рядом с ней у лифта Пейнтер Кроу приложил ладонь к считывающему устройству, и кабина пришла в движение, проваливаясь в глубь земли.

Реактивный самолет пересек страну от одного побережья до другого меньше чем за пять часов. Сразу же после посадки встретившая двух пассажиров машина отвезла их к Эспланаде¹⁶, остановившись перед Смитсоновским замком, на самой высокой башне которого развевался флаг. Выйдя из машины, Джада новыми глазами посмотрела на историческое здание с его парапетами из красного кирпича, башенками и шпилями. Это сооружение, возведение которого завершилось в 1855 году, считалось одним из лучших образчиков возрожденной готики в Соединенных Штатах. В настоящее время в нем располагались многие музеи, входящие в состав Смитсоновского института.

Выросшая в Конгресс-Хейтс, бедном районе в юго-восточной части Вашингтона, Джада в детстве бесчисленное количество раз бывала в замке. В то время вход в музеи был бесплатным, и мать, воспитывавшая девочку в одиночку, как могла расширяла ее кругозор.

– Я даже не догадывалась, что здесь под землей что-то есть, – шепотом призналась молодая женщина, когда кабина лифта спустилась в подземный мир Смитсоновского замка.

– Когда-то здесь было бомбоубежище. Во время Второй мировой войны тут даже размещался научный центр, работавший на оборонную промышленность. Впоследствии подземные этажи были забыты и заброшены.

– Боже мой, ведь это элитная недвижимость в самом центре Вашингтона, – пошутила Джада.

Пейнтер улыбнулся. Для мужчины на целых два десятка лет старше ее он выглядел очень неплохо: черные как смоль волосы с одной-единственной седой прядью, выразительные голубые глаза. А в ходе долгого разговора во время перелета с Западного побережья Джада выяснила, что он также умен и обладает энциклопедическими познаниями в самых разных областях – за исключением истории джаза. Однако этот пробел она была готова ему простить, особенно когда в лучах солнца весело искрились эти ни с чем не сравнимые голубые глаза.

– Как только я наткнулся на эти запыленные подземелья, – продолжал Пейнтер, – мне пришло в голову, что здесь можно создать идеальное место для мозгового центра «Сигмы», поскольку отсюда одинаково близко до научных лабораторий Смитсоновского института и до washingtonских властных структур.

Джаде показалось, в его голосе прозвучала отеческая гордость: несомненно, Пейнтер был рад похвастаться перед человеком со стороны, что, вероятно, случалось нечасто.

Двери кабины лифта с мягким шелестом открылись, приглашая в длинный центральный коридор.

– На этом этаже размещается наша связь, – объяснил Кроу, приглашая молодую женщину следовать за собой. – Прямо впереди находится нервный центр «Сигмы».

Навстречу им вышла стройная женщина в темно-синем военно-морском мундире. Она была по-строному привлекательна – возможно, отчасти из-за коротко подстриженных русых

---

¹⁶ Эспланада – участок музейно-парковой зоны в Вашингтоне между Капитолием и мемориалом Линкольна.

волос. Джаде также показалось, что ее щеку пересекают затянувшиеся шрамы, однако она сделала над собой усилие, чтобы не всматриваться слишком откровенно.

– Здравствуйте, господин директор, – сказала женщина. – Мы рады, сэр, что вы вернулись.

– Это капитан Кэтрин Брайант, – представил ее Пейнтер. – Мой первый заместитель.

– Можно просто Кэт. – Она подчеркнуто крепко пожала Джаде руку, однако ее теплая улыбка смягчила это суровое приветствие. – Добро пожаловать к нам, доктор Шоу.

Джада облизнула губы. Ей хотелось ближе познакомиться с этим миром, но она понимала, что времени у них очень мало.

– Как идут приготовления? – спросил Пейнтер. – Меня устроило бы, если бы группа тронулась в путь меньше чем через час.

– Вы слышали последние новости о командере Пирсе? – спросила Кэт, провожая их в центр связи. В небольшом помещении господствующее место занимали компьютерные мониторы и дисплеи, выстроившиеся дугой вдоль стены.

– Слышал. Если понадобится, мы придем к нему на помощь. Полагаю, ты обещала ему любое содействие.

Кэт бросила на начальника испепеляющий взгляд, показывая, что этот вопрос можно было и не задавать. Она устроилась в кресле перед мониторами, словно штурман, вставший за штурвал.

– Что касается расписания этой операции – монсеньор Верона и его племянница вылетают из Рима в Казахстан первым же утренним рейсом. Лететь им пять часов. Если мы здесь будем придерживаться графика и раскрутим колесо через час, наша команда приземлится в Астане приблизительно одновременно с ними... во второй половине дня по местному времени.

Джада нахмурилась, не видя смысла в этой поездке.

– Насколько я понимаю, – сказала она, желая услышать объяснение, – мы берем с собой этих людей, чтобы подкрепить свое заявление, будто наша экспедиция в отдаленный горный район Монголии носит археологический характер.

– Совершенно верно, – подтвердила Кэт. – Но мы потратим остаток дня в Казахстане на изучение одной загадки, которая, возможно, как-то связана с нашей главной проблемой. Если же это окажется ложным следом, вы просто двинетесь дальше.

Пейнтер уже вкратце рассказал про череп и книгу. Но Джада, не придав этой истории никакого значения, почти не слушала его. Однако здесь решения принимала не она.

– Кто еще примет участие в экспедиции? – спросила женщина.

Ответ прозвучал у нее за спиной:

– Ну, я, конечно.

Обернувшись, Джада увидела мужчину, ростом на несколько дюймов ниже ее, но зато коренастого, словно бультерьер. Мужчина был в шортах, футболке и красной бейсболке с эмблемой команды «Вашингтон Редскинз», которая почти не скрывала его абсолютно гладкую голову. Первой реакцией Джады было не обращать на незнакомца внимания, но затем она заметила, как светятся умом – и весельем – его черные глаза.

Сама не зная почему, Джада тотчас же прониклась к нему симпатией, словно к нескладному старшему брату. Похоже, в этом она была не одинока.

Кэт Брайант откинулась на спинку кресла. Подойдя к ней, незнакомец поцеловал ее в губы. Ладно, может быть, он действительно ее брат.

Мужчина выпрямился. Кэт оглянулась на Джаду.

– Он за вами присмотрит.

– Кэт вынуждена так сказать, потому что она моя жена. – Мужчина ласково положил ей руку на плечо.

Только теперь Джада заметила, что вместо второй руки у него протез, подключенный к сложному электронному блоку на запястье.

Кроу кивнул на незнакомца.

– Монк Коккалис в «Сигме» один из лучших.

– Один из? – обиженно переспросил тот.

Пейнтер пропустил его слова мимо ушей.

– Также вас будет сопровождать один из наших новых сотрудников. Его специализация – электроника и физика. Он также неплохо разбирается в астрономии и обладает определенными, скажем так, *уникальными* способностями. Думаю, он будет вам весьма полезен.

– Речь идет о Дункане Рене, – объяснила Кэт.

– Кстати, а где он сам? – спросил Пейнтер. – Я полагал, что предупредил всех о необходимости присутствовать на оперативном совещании.

Переглянувшись с мужем, Кэт повернулась к мониторам.

– Я уже связалась с Дунканом, – смущенно пробормотала она. – У него возникла одна медицинская проблема, которую он должен решить до того, как отправится в командировку.

– Какая еще медицинская проблема? – нахмурился Пейнтер.

18 часов 18 минут

– Не шевелись! – предупредили его.

Шести футов двух дюймов роста, Дункан Рен с трудом удерживал равновесие на крошечном складном стульчике с шатающейся ножкой.

– Клайд, будет проще, если ты примешь в расчет, что далеко *не все* твои клиенты – иссохшиеся любители метамфетамина.

Напротив него сидел его друг Клайд, в хирургической маске и в очках. Казалось, в нем не было и девяноста фунтов, причем большая часть его веса приходилась на пышные волосы, забранные в длинный хвост, ниспадающий на спину.

Схватив руку друга, Клайд положил ее на стол ладонью вверх, словно собираясь гадать по ней. Однако вместо этого он взял скальпель и ткнул острием в кончик указательного пальца левой руки Дункана. По всему запястью Рена электрическим разрядом стрельнула огненная боль, но он спокойно держал свою руку на столе.

Клайд надавил на скальпель сильнее.

– Сейчас будет больно.

Это еще мягко сказано...

Взяв стерилизованный пинцет, хирург раскрыл рану. Сталь прикоснулась к нервному окончанию, и Дункан заскрежетал зубами. Закрыв глаза, он постарался дышать размеренно и глубоко.

– Есть! – торжествуя воскликнул его мучитель.

Открыв глаза, Дункан увидел извлеченный из разреза крошечный черный шарик размером с рисовое зернышко, зажатый в пинцет.

Это был осколок магнита из редкоземельного металла.

– Теперь заменим износившийся новым...

Используя тот же самый пинцет, Клайд достал новый магнит из коробочки, принесенной Дунканом. Эти магниты были любезно предоставлены лабораторией УППОНИР в Нью-Брансуике, штат Нью-Джерси, однако в настоящее время они использовались совершенно не по назначению.

Шарик размером с рисовое зернышко, который Дункан во избежание инфекции предварительно покрыл париленом-си¹⁷, скользнул в ранку. Как только он оказался на месте,

---

¹⁷ Парилен-си – торговое название полисилилена, полимерного материала, который используется для гидроизоляции,

несколько капель хирургического клея закрыли разрез, запечатав магнит под кожей, рядом с нервными соматосенсорными окончаниями, отвечающими за способность кончика пальца чувствовать давление, температуру и боль.

Определенно, последнее чувство ощущалось в полной мере.

– Спасибо, Клайд.

Дункан сжал и разжал кулак, прогоняя послеоперационное онемение. Для него это было уже далеко не первое родео. В кончике каждого его пальца было спрятано по крошечному магниту, и время от времени их приходилось заменять.

– Ну, что чувствуешь? – Клайд сдернул с лица маску, открывая клепку в носовой перегородке и толстую стальную серьгу в нижней губе.

Да, такое нечасто увидишь в хирургической операционной.

На самом деле в прошлой жизни этот человек был специалистом по гигиене полости рта. Теперь же, сменив профессию, он работал в здании бывших складов неподалеку от аэропорта имени Рональда Рейгана и считался в местном сообществе биохакеров лучшим «точильщиком», то есть тем, кто разрабатывает и вживляет различные устройства, улучшающие работу человеческого тела.

Сам Клайд предпочитал термин «эволюционный художник».

В обширном помещении размещались представители множества самых разных профессий, отделенные друг от друга матовыми пластиковыми занавесками: татуировщик, создавший люминесцентную краску, специалист по пирсингу, вставляющий клиентам в белки глаз крошечные кусочки драгоценных камней, хирург, вживляющий в тело микросхему радиочастотной идентификации в качестве запоминающего устройства, которое всегда под рукой...

Хотя большинство приходило сюда лишь за новизной ощущений, для некоторых проникновение в человеческое тело стало новой религией, и этот склад был для них храмом. Но Дункан приходил сюда исключительно по профессиональной необходимости. Прекрасно разбираясь в электронике, он обнаружил, что это усовершенствование человеческого тела может быть очень полезным инструментом, открывающим новый способ восприятия окружающего мира.

– Не желаешь проверить новый магнит? – предложил Клайд.

– Скорее всего, еще слишком рано, но давай посмотрим, что ты там смастерил.

Дункан знал, что на самом деле хочет продемонстрировать ему его друг.

Клайд пригласил его к соседнему столу, заполненному печатными платами, витками оголенных проводов и столбиками разной высоты из уложенных друг на друга компьютерных жестких дисков.

– Я все еще довожу до совершенства свой последний шедевр.

– Включай питание.

Клайд щелкнул тумблером.

– Для того чтобы сгенерировать в полную силу созданное мною поле, потребуется несколько секунд.

– Ну, столько времени я уж как-нибудь смогу подождать.

Несмотря на ошибочное заблуждение, вживленные в кончики пальцев магниты не позволяли поднимать монетки или хотя бы размагничивать кредитные карточки. Их не обнаруживали даже сканеры системы безопасности в аэропортах. Зато они *вибрировали* в электромагнитном поле. Этих крошечных колебаний было достаточно, чтобы воздействовать на нервные окончания в кончиках пальцев, что порождало очень своеобразное ощущение, не имеющее ничего общего с осязанием, которое буквально можно было считать шестым чувством.

Поднаторев, Дункан научился распознавать наличие электромагнитного поля, улавливая разницу ощущений, причем определять его форму, размер и напряженность. Силовые транс-

форматоры окружало облако ощутимых на ощупь пузырьков. Микроволновые печки отбрасывали ритмичные волны, давившие на руки. Провода высокого напряжения пульсировали шелковистой энергией, и создавалось впечатление, будто кончики пальцев прикасаются к гладкой коже извивающейся змеи.

Также Дункан использовал магниты для более практичных целей, как инженер-электронщик. Новообретенное шестое чувство помогало ему определять силу тока, текущего по проводу, и оценивать, правильно ли вращается в переносном компьютере жесткий диск. Однажды он воспользовался своей способностью, чтобы выявить неисправность крышки распределителя зажигания своего «Мустанг Кобра-Р» образца 1995 года.

Открыв для себя богатое многообразие невидимого мира электромагнитных полей, Дункан уже не хотел от него отказываться. Без своих магнитов теперь он бы просто ослеп.

– Все уже должно быть готово, – сказал Клайд, жестом указывая на стол, заставленный всевозможными электрическими устройствами.

Рен поднял руки над столом. Энергия, сгенерированная приспособлением Клайда, словно *оттолкнула* его пальцы, придав осязательное ощущение формы. Дункан провел своими магнитными пальцами по этой виртуальной поверхности, обнаружив сложную форму, искусно сотворенную Клайдом за счет размещения оборудования и направления токов разной силы.

Рен ощутил изогнутые крылья энергии, широко раскинувшиеся в обе стороны. Чем глубже он погружал пальцы в эти крылья, тем теплее им становилось, и у самой поверхности стола они уже наткнулись на обжигающий жар.

Под его руками невидимое обретало форму и содержание. У Дункана в голове формировался мысленный образ, такой же реальный, как и при прикосновении к скульптуре.

– Невероятно, – пробормотал он.

– Эту работу я назвал «Феникс, восстающий из пепла Цифровой эры».

– Да ты самый настоящий поэт, Клайд.

– Спасибо, Дунк.

Расплатившись за работу, Рен взглянул на часы и направился к выходу.

Конечно, можно было попросить выполнить эту работу кого-нибудь из «Сигмы». Определенно, у Монка Коккалиса, в прошлом работавшего судебно-медицинским экспертом, опыта было достаточно. Но Клайда и его друзей Дункан знал по своей прошлой жизни, когда он еще надеялся покорить мир как звезда баскетбольной команды колледжа в Ласале. Его мускулистые руки от локтя и выше до сих пор были покрыты «рукавами» татуировки – и он по-прежнему носил серебряную серьгу в форме крошечного орла в верхней части левого уха в память о друзьях, погибших в Афганистане во время боев в провинции Такур. После цепочки травм, которые поставили крест на его баскетбольной карьере и вынудили бросить учебу, Дункан в конце концов оказался в морской пехоте Соединенных Штатов.

К двадцати четырем годам Рен успел шесть раз побывать в Афганистане, последние два раза – в разведке, но после Такура он не стал продлевать контракт, и тут его нашел Пейнтер Кроу. В своей прошлой жизни Дункан изучал в колледже электронику. Судя по всему, он показал себя толковым специалистом, и на него обратила внимание «Сигма». И вот теперь, получив после ускоренных курсов два диплома – по физике и электронике, – Дункан собирался отправиться в свою первую официальную командировку в составе «Сигмы». Искать разбившийся спутник.

Желая подготовиться наилучшим образом, Рен пришел сюда.

Он разжал и сжал кулак. Боль уже отступала.

Выйдя на улицу, Дункан заметил двух мрачных типов, которые стояли, прислонившись к его «мустангу». Черная «Кобра-Р» была его семьей, напоминанием о прошлом, таким же, как серьга в ухе. Давным-давно он купил эту подержанную машину для своего младшего брата,

еще когда считал, что его будущее неразрывно связано с оранжевым мячом. Однако когда Билли не было еще и восемнадцати, рак доконал его, навсегда забрав его лучезарную улыбку. Но машина осталась, полная счастливых воспоминаний о том, как два брата правили миром, а также горестных свидетельств утраты, боли и чересчур раннего расставания.

Дункан двинулся к «мустангу» в обход, чувствуя, как в груди неудержимо вскипает ярость. Держась в тени, он на цыпочках подкрался к типам сзади. Внимание обоих было полностью поглощено запорным механизмом, который Дункан смастерил специально для этой машины.

Они не догадывались о его присутствии – до тех пор пока он не кашлянул.

Застигнутые врасплох, мерзавцы обернулись. Один сжимал в руке монтировку.

Вот как?

Через мгновение оба уже убегали прочь, окровавленные, прихрамывая.

Дункан протянул руку к дверной ручке. Дверь открылась еще до того, как он к ней прикоснулся, благодаря крошечной микросхеме радиочастотной идентификации, вживленной в запястье, – еще одному дополнению к телу.

Хотя Дункан объяснял все эти модификации «профессиональной необходимостью», в глубине души он сознавал, что на самом деле речь идет о чем-то более фундаментальном. Еще до того, как его пригласили в «Сигму», он уже начал изменять свое тело татуировкой. Дункан понимал, что это связано с его братом, с обстоятельствами его смерти. Тело Билли уничтожили изнутри его собственные обезумевшие клетки. И вот сейчас Дункан, изменяя свое тело, тем самым устанавливал над ним полный контроль, бросая вызов раку. Это была его защита от прихотей судьбы, когда человеческое тело внезапно восстает против самого себя.

Последней татуировкой стал отпечаток ладони Билли. Дункан нанес его в область сердца, а затем добавил дату смерти брата. Он часто ловил себя на том, что зажимает ладонью этот рисунок, гадая, по какому капризу генетики остался жив, в то время как его брат умер.

То же самое можно было сказать про его друзей, не вернувшихся из Афганистана, про тех, кого нашла шальная пуля, кто первым наступил на спрятанную самодельную бомбу.

«Я остался в живых. Они умерли».

Это была фундаментальная константа Вселенной.

Судьба – жестокая, бессердечная шлюха.

Подпитанный адреналином и чувством вины, Дункан распахнул дверь машины, сел за руль и тронулся с места. Он пулей промчался по пригородам Вашингтона, стремительно переключая передачи, не обращая внимания на знаки остановки.

И все же ему не удавалось оторваться от призраков прошлого – от своих боевых товарищей, от младшего брата, смеявшегося перед лицом смерти.

Он остался в живых, и, значит, ему нужно было жить за всех остальных.

Эта истина, эта ноша ответственности становилась тяжелее с каждой пройденной милей, с каждым прожитым годом. Она становилась невыносимой.

И все же ему оставалось только это.

Дункан с силой надавил на педаль газа.

18 часов 34 минуты

– Похоже, вы до сих пор не пришли в себя, – заметил Пейнтер Кроу.

«Это еще почему?»

Джада сидела, уставившись на пухлую папку с документами, лежащую у нее на коленях. Они находились в кабинете директора Кроу, расположенном под землей. Внезапно молодую женщину захлестнуло чувство клаустрофобии – не столько из-за массы Смитсоновского замка над головой, сколько из-за веса лежащей у нее на коленях папки.

И все, что находилось в этой папке, имело огромное значение.

Джада собиралась отправиться в противоположный конец земного шара, чтобы найти разбившийся военный спутник, возможно, содержащий судьбу мира, – или, по крайней мере, чтобы сделать или разбить вдребезги свою карьеру в астрофизике. «Поэтому – да, как и та слишком умная девочка из Конгресс-Хейтс, которой приходилось возвращаться из школы домой бегом, чтобы ее не поколотили за то, что она отличница и любит книги... я определенно ощущаю на своих плечах бремя ответственности».

– С вами будет работать отличная команда, – заверил ее Пейнтер. – Так что не всё взвалют на вас – и вы сами не должны брать на себя слишком много. Доверяйте своей команде.

– Если вы так говорите...

– Я так говорю.

Джада сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Обстановка в кабинете Пейнтера была спартанской: только письменный стол, шкафчик и компьютер, однако все помещение в целом обладало приятным уютным теплом, словно удобные разношенные домашние тапочки. От Джады не укрылись мелочи, говорящие о характере хозяина. На шкафчике стоял закрученный кусок черного стекла, похожий на абстрактную скульптуру, но, скорее всего, просто сувенир. На стене висел загнутый клык какого-то дикого животного из джунглей, невероятно длинный. А на столе выстроились фотографии в рамках, одной и той же женщины.

Должно быть, его невеста.

Пейнтер неоднократно упоминал про нее во время перелета. Несомненно, он ее очень любит.

Счастливая женщина.

Также этот кабинет, очевидно, служил командным пунктом «Сигмы». На стене за письменным столом были установлены три огромных видеомонитора, подобно окнам во внешний мир. Или, в данном случае, во *Вселенную*.

На один экран выводилось в реальном времени изображение кометы ИКОН, на другом застыла последняя картинка, переданная падающим спутником, третий служил монитором прямой связи с Ракетно-космическим центром на Западе.

Шаги и приглушенные голоса привлекли внимание Джады к двери. В кабинет вошла Кэт Брайант, ведя за собой высокого молодого мужчину.

– Смотрите, кого я нашла, – сказала она.

Встав, Пейнтер пожал мужчине руку.

– Пора уж, сержант Рен.

Джада поймала себя на том, что тоже встала.

Судя по всему, это был Дункан Рен, еще один член команды. Он оказался на удивление очень молодым, всего на пару лет старше самой Джады. Она окинула его оценивающим взглядом. Накачанные мышцы, распирающие форменную футболку морской пехоты, с выглядывающими из-под рукавов татуировками. Но в то же время Дункан Рен не производил впечатление качка, одержимого одной только мускулатурой, – как раз напротив. Джада предположила, что он ни на шаг не отстанет от нее в спринтерском забеге, – а она бегала очень быстро.

Женщина пожала ему руку, обратив внимание на ободранные костяшки пальцев.

– Джада Шоу.

– Астрофизик? – спросил Дункан.

В его зеленых глазах сверкнуло удивление, что почему-то разозлило Джаду. За свою короткую карьеру ей слишком часто приходилось видеть такой взгляд. Физика по-прежнему оставалась уделом мужчин.

Словно чтобы разглядеть ее получше, Дункан смахнул со лба несколько непокорных прядей темно-русых волос, среди которых просматривались более светлые полосы, полученные без помощи каких-либо красителей.

– Потрясающе, – сказал он, и в его голосе не прозвучало ни тени снисходительного сарказма. Он уперся кулаками в бедра. – Что ж, отправляемся на поиски спутника.

– Самолет заправлен и готов к вылету, – сказала Кэт. – Я отвезу вас в аэропорт.

Сердце Джады подступило к горлу. Все происходило слишком быстро.

Дункан тронул ее за локоть, словно почувствовав нарастающую панику.

Джада вспомнила совет Пейнтера. «Доверяй своей команде». А как насчет того, чтобы доверять самой себе?

Дункан склонился к ней, и в его глазах появилась забота, но при этом они зажглись проклятым энтузиазмом.

– Вы готовы?

– Да, полностью готова.

– Большого нечего и желать.

Когда они уже собрались уходить, Кэт подошла к столу Пейнтера и положила на него папку.

– Последнее сообщение из Гонконга, от Грея. Он излагает свой план действий.

Кивнув, Пейнтер вздохнул.

– Я уже бегло просмотрел его на компьютере. Грей собирается пойти очень опасным путем.

– Судя по всему, он готов сделать это ради Сейхан.

Глава 6

18 ноября, 08 часов 04 минуты

по гонконгскому времени

Коулун, Китайская Народная Республика

Грей приготовился шагнуть в логово льва.

Точнее, в данном конкретном случае, в логово *львицы*.

Он стоял в квартале Монгкок на полуострове Коулун, окруженный толчеей утреннего часа пик. Вокруг под промозглым дождем спешили пешеходы, опустив голову, – кто-то под зонтом, другие довольствуясь широкими бамбуковыми шляпами. Всюду, куда ни падал взгляд Грея, шло движение. Машины медленно ползли по узким улочкам между высоченными небоскребами. На балконах подобно флагам тысячи государств трепыхалось развешанное белье. По тротуарам тек нескончаемый людской поток.

Даже запахи менялись с каждым дуновением ветра: аппетитный аромат свиных шкварок, едкое дыхание тайских специй, резкое зловоние переполненных мусорных баков, тошнотворная пряность духов от проходящей мимо женщины. Вокруг звучали голоса, крики, в основном призывы торговцев, привлеченных европейским лицом Грея.

– Эй, босс, догадайся, за сколько я отдам этот костюм...

– Слушай, хочешь задешево самые настоящие швейцарские часы...

– Очень хорошая еда, очень вкусная... заходи, попробуй...

Какофония Коулуну оглушала. Нью-Йорк считает себя многолюдным, но по сравнению с этой людской давкой он показался бы городом призраков. Полуостров Коулун составляет половину того, что считается Гонконгом. Вторая половина – остров Гонконг на той стороне залива Виктория – занят преимущественно особняками, сверкающими небоскребами и зелеными парками, окружающими со всех сторон величественную гору Виктория.

Рано утром, еще до восхода солнца Грей и Ковальски подошли к берегу на своем угнанном быстроходном катере. Их встретили манящие силуэты небоскребов, возвышающиеся на острове Гонконг, похожие на современный Изумрудный город из страны Оз, обещающий волшебное удовлетворение любого желания за определенную плату – что, возможно, для этого упадочного места действительно соответствовало истине.

Но вместо этого Грей приказал Ковальски направить катер к убогому причалу на другой, серой и безликой стороне Гонконга, сюда, в Коулун. В ожидании информации из Вашингтона они проспали два часа в дешевой гостинице. Как только эта информация поступила, Грей повел Ковальски в район красных фонарей Монгкок, с его беспорядочно разбросанными барами, борделями, саунами и ресторанами.

– Сюда, – сказал Грей, сверившись с картой.

Оставив позади шумный многолюдный центральный проспект, он направился в лабиринт узких переулков. С каждым новым поворотом призывы обратить внимание звучали все громче, однако при виде двух европейских лиц манящие улыбки сменялись угрюмой подозрительностью.

– Кажется, нам нужен вот этот дом, – сказал Грей.

Свернув в узкий переулок, он подошел к комплексу из трех семнадцатизэтажных жилых зданий, связанных пешеходными переходами в единое внушительное сооружение. В целом оно напоминало ржавую гору, с наростами из гофрированного железа и дерева. Даже балконы, в отличие от соседних зданий, были наглухо запечатаны решетками. Но все же и тут сушилось на ветру белье, развешанное на горизонтальных шестах или натянутых веревках.

– Похоже на тюрьму, – заметил Ковальски.

В каком-то смысле это действительно было так. Экономическая действительность удерживала обитателей здания взаперти не менее надежно, чем стальные прутья решеток – но только, по слухам, это не относилось к тем, кто занимал верхние этажи, расположенные ближе к солнцу и свежему воздуху. Судя по разведанным, поступившим из штаба «Сигмы», именно здесь обосновалась триада «Дуан чжи».

Грей пришел сюда, чтобы встретиться главой триады, снискавшей себе зловещую славу.

Доктор Хван Пак продал Грея и его спутников триаде, заманив их в западную, устроенную в казино «Лиссабон». Женщина, стоящая во главе преступного клана, никому не показывала свое лицо и, похоже, очень не любила, когда кто-нибудь начинал слишком пристально смотреть в ее сторону. Грей пошел на огромный риск, заявившись сюда.

Но у него не было выбора.

Какая-то преступная группировка похитила Сейхан. Грей сомневался, что это было делом рук триады «Дуан чжи». Когда Сейхан в Макао заталкивали в черный «кадиллак», он успел увидеть европейские лица – скорее всего, это были местные португальцы. А китайские триады с нескрываемым презрением относились ко всем белым.

Так кто же похитил Сейхан... и куда ее увезли?

Грей надеялся на то, что она жива. Ее могли пристрелить прямо на улицах Макао, однако этого не произошло. Надежда была очень слабая, но Пирс схватился за нее обеими руками.

Ему в голову приходило только одно возможное объяснение этого похищения. В прошлом основная деятельность «Дуан чжи» была сосредоточена как раз в Макао, поэтому ее глава, скорее всего, по-прежнему сохранила там обширные связи и знала всех ведущих игроков. Что гораздо важнее, у нее имелись люди и средства, которые были нужны Грею, чтобы прийти на выручку Сейхан – чтобы спасти родную дочь главы триады.

«Но что, если она убьет меня, не дав мне высказаться?»

– Последний шанс повернуть назад, – обернувшись к Ковальски, сказал Пирс. – Я могу пойти один. Возможно, так даже будет лучше.

То же самое он уже говорил, еще в гостинице.

И ответ был тот же самый.

– Да пошел ты... – бросил Ковальски, направляясь к закрытой двери.

Грей присоединился к нему, не отставая ни на шаг. Они распахнули стальную дверь, открытую днем, но запирающуюся на ночь. За каждым их движением следили – кто подозрительно, кто с ненавистью, но большинство равнодушно.

За дверью находился внутренний дворик между тремя зданиями. Небо над головой заслоняли пешеходные переходы и различные шаткие сооружения, но непрерывно морозящий дождь все-таки находил дорогу вниз, стекая слезинками со всех поверхностей. По периметру двора тянулись импровизированные магазинчики, в том числе мясная лавка с ошипанными гусями, свисающими с крючков, табачный ларек, винный магазин и даже кондитерская, на прилавках которой пестрели товары, слишком яркие и жизнерадостные для такого унылого места.

– Лестница вон там, – указал Ковальски.

Судя по всему, единственным путем наверх были открытые лестницы, карабкавшиеся по стенам всех трех зданий. Грей понятия не имел, в котором из трех строений разместилась триада «Дуан чжи» – и имело ли это какое-нибудь значение.

Поэтому они с Ковальски подошли к ближайшей лестнице и начали подниматься вверх. Расчет заключался в том, чтобы обходить комплекс до тех пор, пока их кто-нибудь не остановит – предпочтительно тот, кто не станет сначала стрелять, а только потом задавать вопросы.

Оставив самостоятельный торговый комплекс внизу, Пирс и Ковальски поднимались все выше и выше, к жилым этажам. Проходя мимо открытых дверей, Грей заглядывал в них. Квартиры представляли собой весьма странное зрелище. От пола до потолка возвышались составленные в штабеля большие коробки из стальной проволоки, похожие на кроличьи клетки.

Внутри сидели или лежали люди. Судя по всему, они могли позволить себе только такое жилище. Однако обитатели клеток делали все возможное, чтобы превратить их в отдельный дом: стены были завешаны бамбуковыми циновками или шторами, сделанными из куска брезента. Кое-где даже светились экраны телевизоров. Из всех клеток вырывались густые облака табачного дыма, которому все равно не удавалось полностью заглушить запах немытых тел.

Мимо пробежала жирная бурая крыса.

– Умная тварь, – пробормотал Ковальски.

Проходя по площадке десятого этажа, Грей заметил направленный на лестницу стеклянный глаз камеры видеонаблюдения. Работа триады.

– Вероятно, мы поднялись уже достаточно высоко, – наконец сказал он. – Несомненно, за нами уже наблюдают.

Поднявшись на следующую площадку, Пирс свернул с лестницы, направился по открытому коридору, выходящему во внутренний двор, и остановился перед объективом камеры видеонаблюдения. Медленно подняв руку к ремню, двумя пальцами вытащил пистолет и положил его под ноги. Ковальски проделал тот же самый ритуал с автоматом.

– Я хочу встретиться с Гуань-инь, главой «Дуан чжи», – громко произнес Грей, обращаясь к видеокамере и всем, кто его слышал.

Ответ последовал незамедлительно.

Впереди и сзади хлопнули двери. В коридор вышли четверо со стальными прутьями и длинными ножами.

Похоже, о мирной беседе придется забыть.

Пригнувшись, Грей ударил ногой ближайшего к нему боевика по колену. Тот повалился назад, и командер с силой ткнул ему кулаком в горло, отчего тот повалился на пол, судорожно пытаясь отдышаться. Грей присел, уклоняясь от рубящего удара ножом, едва не сбившим ему волосы на макушке, и подобрал свой пистолет. Подскочив к нападавшему вплотную, Грей перехватил его руку, заламывая ее, обхватил шею противника и приставил дуло пистолета к его уху.

У него за спиной Ковальски оглушил первого противника и выхватил из его обмякшей руки стальной прут. Стремительно развернувшись, великан ударил второго боевика по плечу. Выпавший нож с громким стуком упал на пол.

Ковальски с предостерегающим видом снова поднял прут, но его противник попятился назад, прижимая руку к разбитому плечу.

Грей снова повернулся к видеокамере.

– Я только хочу поговорить, – отчетливо произнес он.

В доказательство своих слов он отпустил боевика и оттолкнул его прочь. После чего опять наклонился и положил пистолет на пол. Затем поднял руки, показывая камере пустые ладони.

Ему хотелось верить, что это нападение было лишь испытанием.

Грей ждал, чувствуя, как по спине текут струйки пота. Казалось, во всем комплексе воцарилась полная тишина. Даже отголоски звуков телевизоров и радио смолкли.

Внезапно позади Грея раздался рев Ковальски:

– Неужели никто из вас не говорит по-английски, черт побери?

В дальнем конце коридора открылась дверь.

– Я говорю.

Из тени в коридор вышла фигура. Это был высокий мужчина с забранными в пучок седыми волосами. Хотя ему было уже за шестьдесят, в каждом его движении сквозила грация силы. В одной руке старик держал длинный изогнутый меч, старинный китайский клинок дао. Другая его рука лежала на рукоятке торчащего из кобуры «ЗИГ-Зауэра».

– Что вы хотите сказать нашей достопочтенной повелительнице?

Грей понял, что неправильный ответ будет стоить им жизни.

– Передайте ей, я принес известие относительно дочери Май Фьюнг Ли.

Судя по безучастному лицу старика с мечом, это имя ему ни о чем не говорило. Ничего не сказав, он развернулся и спокойно удалился за дверь.

И снова оставалось только ждать. Один из охранников рявкнул что-то по-китайски, заставляя Грея и Ковальски отступить на несколько шагов назад, чтобы другой смог забрать их оружие.

– Становится все лучше и лучше, – вполголоса заметил Ковальски.

Напряжение возросло, как натянутая рояльная струна.

Наконец вернулся старик, снова появившийся из полумрака за дверью.

– Наша повелительница милостиво согласилась встретиться с вами, – объявил он.

Грей почувствовал, как узел в груди слегка ослаб.

– Но если ей не понравится то, что вы скажете, – предупредил старик, – ее лицо будет последним, что ты увидишь в этой жизни.

Грей в этом не сомневался.

08 часов 44 минуты

Сейхан очнулась в крошечной темноте.

Она осталась неподвижно лежать. Инстинкт выживания восходил к жестоким годам, проведенным на улицах Бангкока и Пномпеня. Сейхан ждала, когда рассеется туман у нее в голове. Из черного колодца медленно поднимались воспоминания. Ее схватили, усыпили каким-то наркотиком, завязали глаза. Судя по ощущению вгрызающихся в плоть веревок, запястья и щиколотки ей также связали. На глазах у нее по-прежнему оставалась плотная повязка, однако просачивающийся через края свет позволял предположить, что сейчас уже день.

Но тот ли это самый день, когда ее схватили?

У Сейхан перед глазами мелькнула картина столкновения: мотоцикл опрокидывается, Грей и Ковальски отлетают в сторону.

Живы ли они?

Она не хотела верить в обратное.

Отчаяние подтачивает решимость – а ей сейчас, для того чтобы выжить, потребуется вся сила воли, до последней капли.

Сейхан напрягла все свои органы чувств, пытаясь сориентироваться. Она лежала на какой-то жесткой металлической поверхности, пахнущей машинным маслом. Вибрация и периодическая тряска указывали на то, что это какое-то транспортное средство. Может быть, джип, может быть, пикап. Но куда ее везут?

Почему ее просто не убили на месте?

Ответ на этот вопрос был очевиден. Судя по всему, кто-то проведаль о том, что за ее голову обещана внушительная награда, и вознамерился ее продать.

– Вы можете больше не притворяться, что спите. – Этот голос прозвучал всего в каком-нибудь футе от нее.

Сейхан внутренне вздрогнула. Суровая и жестокая молодость, проведенная в переулках трущоб, отточила ее чувства до совершенства. И тем не менее она даже не подозревала, что кто-то находится так близко. Это лишило ее присутствия духа. Незнакомый не просто хранил полное молчание, он не подавал никаких признаков жизни. Словно вообще не существовал.

– Во-первых, можете расслабиться, – продолжал мужчина на безукоризненном кантонском диалекте, однако в его голосе прозвучал европейский выговор. Учитывая то, что дело происходило в Макао, акцент, скорее всего, был португальским. – Мы не собираемся вас убивать и вообще плохо с вами обращаться. По крайней мере, лично я. Речь идет о чисто деловом обмене.

Значит, она была права: кто-то собирался продать ее, заработав неплохие деньги. Однако утешения в этом было мало.

– Во-вторых, что касается ваших друзей...

На этот раз Сейхан не смогла совладать с собой и вздрогнула, представив себе рассудительное лицо Грея и ухмыляющуюся физиономию Ковальски. Живы ли они?

Незнакомец с укором усмехнулся.

– Они живы, – сказал он, читая молодую женщину словно раскрытую книгу. – Но, боюсь, это лишь временно. Нам потребовалось какое-то время, чтобы выйти на их след, и оказалось, что они заявили в самое неожиданное место – в логово нашего соперника. Это поставило меня в тупик, заставило гадать: *зачем?* Но затем я решил, что это не имеет никакого значения. Есть одна старинная китайская поговорка: «Йи цзян шуан цяо». Полагаю, она как нельзя лучше подходит к данной ситуации.

Сейхан мысленно перевела: «Одна стрела, два стервятника».

Она поняла, что это означает, и у нее похолодело в душе. Китайская фраза имела тот же смысл, что и более привычное выражение: «Одним выстрелом двух зайцев».

08 часов 58 минут

Двери кабины лифта открылись, доставив пассажиров из преисподней на небеса.

Грей прошел следом за стариком с мечом на мансардный этаж здания. Здесь не было ни душливой тесноты, ни грязи нижних этажей комплекса. Просторное помещение было обставлено белой мебелью с плавными обводами. Пол сиял полированным бамбуковым паркетом. Повсюду в горшках стояли орхидеи всех форм и цветов. Огромный аквариум в форме застывшей волны кишел мириадами белоснежных рыбок. Он служил перегородкой, отделяющей кухню в европейском стиле, наполненную матовым блеском нержавеющей стали.

Однако самым главным отличием от отвратительного ландшафта нижних этажей было обилие света. Даже низким тучам, морозящим нескончаемым дождем, не удавалось приглушить яркость красок. Громадные окна смотрели на Коулун, открывая с высоты птичьего полета панораму сверкающих гонконгских небоскребов. Посреди мансардного этажа располагался атриум со стеклянными стенами, открытый небу над головой; в пруду с плавающими лилиями, окруженном буйством растений и цветов, журчал фонтан.

На водной глади покачивался простой фонарик в форме лотоса. Над ним склонилась стройная фигура в перепоясанном халате. Протянув руку с длинной тонкой палочкой, фигура зажгла новую свечу в фонарике.

Грей мысленно представил себе праздник в Макао, тысячи огоньков, своим сиянием говорящих о памяти по близким, ушедшим из жизни.

Его проводили от лифта к атриуму.

Ковальски угрюмо оглянулся на лифт.

– Почему мы перлись четырнадцать этажей пешком, когда можно было воспользоваться лифтом, твою мать?

Вероятно, лифт предназначался исключительно для членов триады, но Грей не стал разъянять это своему товарищу, полностью сосредоточив внимание на фигуре за стеклянной перегородкой.

Старик с мечом подвел их к двери, ведущей в атриум.

– Оставайтесь здесь.

Женщина – по аккуратным босым ногам и изгибу бедер было очевидно, что это женщина, – по-прежнему стояла, нагнувшись к фонарику, обхватив обеими руками горящую палочку с благовониями.

Целых две минуты никто не нарушал молчание. Ковальски нетерпеливо ерзал, но и у него хватило ума не раскрывать рот.

Наконец женщина отвесила пруду низкий поклон, выпрямилась и обернулась. Капюшон, надетый для защиты от дождя, длинными складками обрамлял ее лицо. Подойдя к двери, женщина медленно ее открыла и с бесконечным изяществом прошла на мансарду.

– Приветствую вас, Гуань-инь, – учтиво произнес старик, склоняя голову.

– *М'х'гой, Чжуан.* – Вынырнув из рукава, белая рука тронула старика за запястье.

После чего глава «Дуан чжи» повернулась к Грею.

– Ты упомянул о Май Фыонг Ли, – сказала она, и в ее голосе, тихом и спокойном, прозвучала зловещая сталь. – Ты пришел говорить о той, кто давно умерла.

– Но только не в воспоминаниях своей матери.

Женщина никак не отреагировала на его слова, демонстрируя полное самообладание. Когда она наконец заговорила снова, ее голос прозвучал еще тише.

– И снова ты говоришь об умершей.

– Май Фыонг Ли была жива несколько часов назад, когда прибыла в Макао в поисках своей матери.

Женщина лишь чуть опустила подбородок, возможно, осознав, как близка была к тому, чтобы убить свою собственную дочь. Теперь, вероятно, она гадала, говорит ли этот человек правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.